

АДМИНИСТРАЦИЯ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Александр Чебыкин

ГЕРОЙ ДНЕПРА

12+

КРАСНОДАР
2006

Александр Федорович Чебыкин

Герой Днепра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56875748

SelfPub; 2020

Аннотация

Автору книги «Герой Днепра» Александру Чебыкину исполнилось всего 10 лет, когда началась Великая Отечественная война. Годы лихолетья навсегда остались в памяти впечатлительного и наблюдательного подростка. В основу сборника повестей и рассказов автора легли личные воспоминания, а также встречи с фронтовиками, совершившими подвиг во славу Отечества. Повествования от первого лица подкупает своей искренностью и непосредственностью, содержит много интересных фактов. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Босоногое детство	5
Заводила	7
Школа мужания	9
Путь к ненависти	14
Верность воинскому братству	18
Отмщение	21
Сражение за Днепр	23
Бои за новый плацдарм	34
Освобождение Европы	41
Маньчжурия, Хинган	46
Мужество	48
Нашествие	48
Оккупация	51
Староста	53
Комсорг школы	55
Зверь	57
Чужбина	59
В неволе	62
Свобода	65
Сопrotивление	68
«Атлантический вал»	72
Земляк	74
Возмездие	76

Награда	78
Возвращение	80
Друзья	83
Беда	84
Десант	90
И снова бой	94
Оборона	97
Танковая атака	102
В небе над Орлом	109
День Победы	114
Картофелины	119
Очаровательная Анна	124
Об авторе	131

Босоногое детство

Мать умирала медленно, тихо. Маленький Коля, стоя у края деревянной кровати, постоянно тормозил мать, гладил холодную руку, плача, просил: «Не засыпай, маменька, не оставляй нас, плохо будет без тебя». Младшая сестренка Тося сидела у изголовья, заглядывала в ярко-голубые полузакрытые глаза, кулачками растирала по щекам катившиеся бусинки слез.

Глаза матери еще жили, смотрели на детей с тоской, но в них была уже и отрешенность...

После похорон дом опустел. Тося сидела в уголке за печкой, всхлипывая, звала: «Мамочка, где ты, почему долго не приходишь?». Коля прятал за пазухой фотографию матери, украдкой вытаскивал и целовал. Спал в обнимку с большим шерстяным платком, в котором мать зимой ходила во дворе, управляясь по хозяйству. По ночам видел сны, как, ухватившись за руки, бегут они втроем по весеннему зеленому лугу, утопающему в ярких цветах купавицы, взлетают к облакам, и мама растворяется в небе...

Дети были малы, за ними нужен был досмотр.

Через полгода отец привел в дом женщину из соседней деревни, старую деву, не знавшую материнства. Марфа беспрестанно понукала детей, зачастую давала тычки. Отец не заступался за детей, не ссорился с Марфой, боялся, что она по-

кинет семью. За ужином, покрикивая на детей, Марфа грозила: «Брошу, надоело. За какие грехи Бог дал мне такое испытание: кормить, одевать, обстирывать этукую ораву?». Отец молчал, только крепче сжимал край столешницы, да с такой силой, что стол начинал потрескивать. Голубые глаза отца становились сталистыми.

Заводила

Домики села Белёнка рассыпались по крутому берегу Большого Иргиза – притока Волги. Село считалось зажиточным, но Николай Терентьевич Давыдов никак не мог выбраться из нужды. Когда стали образовываться колхозы, одним из первых вступил в колхоз, затем в партию. Времени на воспитание детей не оставалось. От восхода до заката отец пропадал в поле. Колхоз все крепче вставал на ноги. Николая Терентьевича сначала поставили звеньевым, затем бригадиром.

Коля рос шустрым, подвижным, самостоятельным. Был заводилой среди пацанов. В семь лет с доской под мышкой переплывал Иргиз. Доска была надежной опорой, если по пути встретится воронка, куда зачастую попадали мальцы, не рассчитав своих сил, или если ноги сведет судорога. Гоня по песку тряпичный мяч, набитый куделей, Коля был отчаянным футболистом – на его счету всегда было больше всех забитых мячей. Под обрывом реки мальчишки соорудили перекладину из старой трубы, которую предварительно несколько дней драили напильником и наждаком. Наравивали силу, каждый день проверяя друг у друга тугие мышцы на руках. И здесь Коля был впереди всех. Если случалась заварушка – ребята с разбитыми носами бежали к Коле: он рассудит верно и сумеет помирить драчунов. Рыбалка – лю-

бимое дело сельских ребят. После смерти матери Коля часто убегал на речку, где под камнями ловил налимов и выротов. Научился кресалом и трутом разводить костер. Завернув добычу в лопух, зажаривал ее в золе. В семь лет научился плести лески, знал, какой волос надо выдернуть из конского хвоста. Мастерил рыболовные снасти. Гнул, расковывал, закалял крючки. На столе не переводилась рыба, мачеха стала реже покрикивать на Колю, видя, что растет смышленный парень. Перед школой он уже читал по слогам и учил своих друзей. Отец после каждой полочки покупал детям книжки.

Школа мужания

В 1932 году отец отправил Колю в первый класс. Занималась с ними старая-престарая учительница, которую в школу под руку приводила взрослая внучка. Вести уроки ей было трудно, но преподавателей не хватало. Первого сентября 1933 года директор школы завел в класс худенькую, бледную, курносую девчонку с конопушками на щеках, подстриженную под горшок. Сказал ребятам: «Это ваша классная руководительница, она будет вас учить дальше, зовут ее Татьяна Ивановна». Ребята удивленно смотрели на нее и думали: «Какая она Татьяна Ивановна, она Таня».

Татьяна Ивановна приходила в школу аккуратной, голубая кофточка с заплатами на локтях и серая юбочка были всегда отглажены. В один из дней Татьяна Ивановна зашла в класс, придерживаясь за парты, устало села за учительский стол, но когда после звонка стала подниматься – покачнулась и упала. В беспмятстве шептала: «Хлебушка, хлебушка». Коля подбежал к питьевому бачку, набрал кружку воды и стал брызгать ей в лицо. Татьяна Ивановна открыла глаза и проговорила: «Извините, дети». Ребята помогли ей встать и гурьбой повели домой. Учительница жила в домике на окраине села Хозяева уехали в город, и председатель сельского Совета определил ее на постой в этот дом.

Татьяну Ивановну уложили на железную кровать, засте-

ленную серым солдатским одеялом. Коля заглянул в стол, на полки – кругом шаром покати. В тумбочке нашел мешок с несколькими зернами пшеницы, из которой Татьяна Ивановна, деля зерно по горсточкам, во дворе на таганке варила кашу. Каждый месяц полпуда пшеницы выписывали в правлении колхоза Татьяне Ивановне на пропитание. Но к концу срока мешочек оказывался пустым. Последние несколько дней Татьяна Ивановна пила только кипяток, бросая туда горсти рябины или корочки сушеных яблок.

Коля дал команду: «Девчата, по домам и тащите у кого что есть съестного». Сам с ребятами пошел за село, там набрали хворосту и будылей кукурузы и, перевязав брючными ремнями и бечевками, притащили в дом. Натопили печь, накрыли стол. Коля сбегал домой, принес кринку молока. Усадили Татьяну Ивановну за стол и стали потчевать. Татьяна Ивановна обнимала ребят, и крупные слезы падали в кружку с молоком. Спросила: «Можно я все это оставлю на потом? После голода нельзя наесться досыта». Ребята, перебивая друг друга, закричали: «Татьяна Ивановна, мы решили, у кого есть корова, по очереди каждый день приносить вам кружку молока, по кусочку хлеба и у кого что есть. Татьяна Ивановна, не беспокойтесь, мы поговорили с родителями, они знают об этом». После этого корзина, стоявшая на столе в углу класса, заполнялась продуктами.

Через пару месяцев Татьяну Ивановну было не узнать. Щеки порозовели и округлились, волосы подросли, она за-

плетала их в две косички, что смешило ребят.

Весной Татьяна Ивановна вместе с учениками сажала огород. Колин отец, теперь уже председатель колхоза, где-то достал для нее козу и пару курочек, завез два короба кукурузных кочерыжек для топки печи. Татьяна Ивановна бегала с ребятами на рыбалку, играла с ними в футбол. На фронте в минуты затишья Николай вспоминал эти чистые и светлые дни.

Коля учился прилежно, старательно выполнял домашние задания, на уроках был весь внимание, и хотя на переменах ходил колесом, директор школы ставил его в пример. После пятого класса в летние каникулы отец стал привлекать его к работе по посадке деревьев в создаваемых лесополосах.

В 1938 году, в связи с переводом отца на новое место работы, семья переехала в город Пугачев. Здесь Коля успевал участвовать во всех школьных мероприятиях. Руководил спортивной секцией, был капитаном футбольной команды. На зимних и летних спартакиадах города он и его друзья занимали почетные места. Принимал активное участие в художественной самодеятельности, виртуозно играл на балалайке. Но любимым его занятием было плавание и прыжки с десятиметровой вышки.

Когда посмотрел фильм «Чапаев» (а ребята, бегая в соседние села, умудрялись смотреть его по нескольку раз), другие увлечения отошли на второй план. Чапаев стал любимым героем в играх. Право командовать Коля взял на себя. На

берегу Иргиза сооружались окопы, насыпался бруствер. Из досок, реек, палок мастерились винтовки. Из старого плуга, труб, самовара создавался пулемет, который громко тарахтел, пыхтел и выпускал искры. На железную бочку без дна натянули бычью шкуру – и барабан готов. Был свой Петька – Колин друг Валера Серегин и, конечно, пулеметчица Анка – Тося, сестра Коли. Никто не хотел быть в числе белых. Бросали жребий. В старое ведро насыпали белые и серые камушки, окатыши с берега реки. Кто вытаскивал белый – тот беляк, кто серый – тот чапаевец. Белые отходили к берегу, метров за четыреста. Коля взмахивал флажком. Барабан начинал монотонно стонать. Капелевцы выстраивались в плотный ряд и под оглушительные звуки барабана с винтовками наперевес двигались на чапаевцев. Нервы чапаевцев на пределе, метров за сто до подхода белых чапаевцы с криками «ура!» выскакивали из окопов, держась по пять-шесть человек за жердь. Мчались вперед, оттесняя капелевцев к реке. Тут уже на помощь кидались зрители – малыши и взрослые, крича: «Дави гадов!». Капелевцев загоняли по шею в воду и, довольные, возвращались на исходные рубежи, возбужденно обсуждая: «Как мы им дали!». Каждый раз перед началом игры Коля просил: «Без моей команды в атаку не подниматься». Но это было бесполезно. Кто-нибудь выскакивал из окопов или подбегали зрители, крича: «Чё лежите, бей беляков!».

1941 год. Закончен девятый класс. Коля бежит домой с

кучей похвальных грамот: за отличную учебу, за участие в самодеятельности, за гимнастику, за первенство города по плаванию, за меткую стрельбу.

Путь к ненависти

Днем 21 июня прибежал домой отец: «Война, сынок, война надолго, враг силен и опасен, объявлена всеобщая мобилизация». 24 июня, в день 17-летия Николая, семья простилась с отцом. Отец наказывал: «Смотри, Коля, если придет и твой черед, не посрами семью и род Давыдовых. Мы с честью и славой служили России, твой дед Терентий завоевывал и устанавливал Советскую власть. Не было бы этой власти – не был бы я, крестьянский сын, председателем колхоза, а батрачил бы на какого-нибудь пузана. Вы с сестрой выросли и выучились, у тебя девять классов, а у сестры – семь. Иди и учись, все дороги открыты. Сестра уже помощница по хозяйству. 15 лет – можно сказать, невеста, тебе 17 – по крестьянским обычаям – мужик. Марфу берегите, хоть и не родная кровь, но она вас вырастила, выходила, малыши ведь остались без матери, сейчас здоровье у нее неважное».

За неделю Николай повзрослел, почувствовал себя главой семьи, ответственным за дом. Игры были заброшены, рыбалка – только по необходимости. Надо было запастись топливом на зиму, кормом для коровы. Здесь, в Пугачеве, из-за плотности застройки пришлось отказаться от крестьянского хозяйства, оставили только корову.

Враг захватил Прибалтику, Белоруссию, Украину, подходил к Воронежу, шли бои за Ростов. Война приближалась к

дому,

В первый день занятий осенью 1941 года в школе зачитали приказ военного комиссара области: «Все допризывники мобилизуются на оборонные работы». Зачем-то всем выдали противогазы. Объявили, что выезд в шесть часов утра от школы.

Утром десятка два полторок потянулись за город, в сторону Саратова, на Лысые горы. Каждому отряду был определен участок работ. Рыли противотанковые рвы шириной и глубиной по два метра, за ними окопы для пехоты, в полный рост. Грунт – спрессованный известняк, работать приходилось ломом и киркой. К вечеру ломило спину, рябило в глазах. От рукавиц, которые выдавали перед работой, остались одни лохмотья. Спали в палатках. Кормежка была не ахти: утром перловая каша, чай и ломоть хлеба, в обед – густой суп из баранины и перловки, вечером долька селедки, хлеб и несладкий чай. После разгрома немцев под Москвой, по окончании работ на укрепрайоне в январе 1942 года старшеклассников отпустили домой. Был приказ Сталина дать возможность окончить десятый класс.

В старый Новый год семья Давыдовых получила похоронку на отца: «Давыдов Николай Терентьевич, политрук стрелкового батальона прорыва, погиб в наступательных боях под Волоколамском».

23 февраля в школу пришел райвоенком и зачитал приказ о награждении орденом Красной Звезды выпускницы пуга-

чевской школы 1941 года Наумовой Юлии, радистки десантного батальона. Девушка погибла в боях за оборону Москвы. Вручать награду было некому. В июне 1941 года вся семья добровольцами ушла на фронт, хотя отец Юлии – офицер запаса, танкист, раненный на Халхин-Голе, – был освобожден по болезни. Мать – врач, начальник санчасти полка – погибла под Ельней. Орден передали директору школы. Коля с пятого класса был влюблен в Юлию, отличницу, непоседу, организатора вечеров в школе, с толстой русой косой и большими серыми глазами. Юлька об этом знала, поэтому всем поклонникам давала отбой, объясняя: «Мой жених скоро подрастет», – и трепала Колю за непослушный вихор пшеничных волос. Девушка часто приводила на берег реки, когда Коля рыбачил, садилась рядом, молчала, вглядываясь в быстрые струи воды. Потом обнимала Колю за плечи и шептала: «Ну, Коленька, любовь моя, я пошла, хорошо?». У Коли замирало сердце, слова застывали в горле, лицо становилось пунцовым, и он кивал головой. Потом долго прислушивался к замирающим шагам Юлии, боялся обернуться – стыдился ребят.

Впервые после смерти матери Коля разревелся навзрыд, локти стучали о парту. Директор, сгорбленный, седой старичок, подошел, обнял: «Не плачь, солдат, скоро отомстишь за отца и Юлию. Она перед отправкой на фронт заходила ко мне и просила передать: «Если погибну, скажите Коле, что я его любила больше жизни». После этого сообщения Николай

стал молчалив, задумчив. В голове беспрестанно билась одна мысль: «Отомстить, отомстить за отца, за Юлию, за родных и близких. За поруганную землю». Каждый вечер бегал в тир и тренировался в стрельбе, пока не стал выбивать тремя пулями три десятки.

Как только Николай сдал выпускные экзамены, он пришел в военкомат и стал проситься на фронт, на что ему ответили: «Подожди месяц, в августе очередной набор в Пугачевское артиллерийское училище, у нас нехватка призывников со средним образованием». Николай, подумав, согласился: отца нет, в доме останутся две женщины, надо подготовиться к зиме.

Верность воинскому братству

В июле 1942 года немцы начали мощное наступление в районе Ростова-на-Дону, прорвали фронт севернее города по Северскому Донцу и Дону. Одна группировка войск рвалась к Сталинграду, другая – на Северный Кавказ. Немецкие самолеты бомбили Саратов. В августе по ночам за Волгой было видно полыхающее небо. Фашисты подходили к Сталинграду.

Началась учеба в военном училище по сокращенной программе. Готовили офицеров противотанковой артиллерии. Все школы города были переоборудованы под госпитали, а родная школа Николая была передана под военное училище, в котором он сейчас учился. Курсанты в редкие выходные дни посещали госпитали. Местные ребята успевали забежать домой, чтобы прихватить для раненых кто что мог: тетради для писем, махорку, яблоки из зимних запасов. В госпиталях увидели тяжесть войны воочию. Солдаты и офицеры рассказывали о зверствах фашистов на захваченных территориях. Николай видел, как изменился город. Рабочие заводов не отходили от станков по 10-12 часов. Хлеб выдавали по карточкам, запасы горожан быстро истощались. Знакомые сообщали горестные вести о гибели родных, близких, товарищей, соучеников.

Первоначальная бравада скоро улетучилась из сознания,

было одно желание: быстрее освоить технику и вооружение, которое они изучают.

В марте 1943 года младший лейтенант Давыдов Н.Н., успешно окончив училище, был направлен в 419-й отдельный истребительный противотанковый дивизион 203-й стрелковой дивизии на должность командира огневого взвода. Дивизия была сформирована в марте 1942 года в станице Лабинской Краснодарского края и уже имела опыт боев: форсировала реку Дон в районе хутора Верхне-Матвеевского, захватила плацдарм и удерживала его, чем отвлекла на себя часть войск противника, прорывающихся к Сталинграду. Дивизия участвовала в окружении и разгроме немцев под Сталинградом в составе Донского фронта. Вместе с Николаем в дивизион попали его земляки Партус Сергей и Французов Валерий.

Сердца солдат и офицеров дивизии переполняла ненависть к врагам, люди готовы были идти на самопожертвование, чтобы отстоять честь и свободу своей Родины. Дивизион состоял из трех батарей 45-мм орудий и роты ПТР. Солдаты эти орудия называли «прощай, Родина», так как их пробивная способность была незначительной, они поражали только легкие танки, а у средних – бортовую броню. Противотанковые батареи были в составе полков и использовались на танкоопасных направлениях. Расчеты орудий были дополнительно вооружены противотанковыми гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

Младший лейтенант Давыдов представился командиру батареи старшему лейтенанту Краснокутскому, высокому, ладно скроенному, лобастому, с аккуратно подстриженными усами, с двумя орденами Красной Звезды на груди. Давыдов уже знал, что старший лейтенант воюет с начала формирования дивизии, среди солдат сльвет бесстрашным, строгим командиром, солдаты и офицеры любят его за расторопность и распорядительность. Командир батареи спросил: «Не крещен еще боем? Ну да что я спрашиваю – совсем еще малец». Николай смолчал, но при следующем вопросе: «Стрелять умеешь?» – выпалил: «Товарищ старший лейтенант, между прочим, я лучший стрелок района по пулевой стрельбе, а на экзамене по огневой подготовке поразил все цели на «отлично». – «Смотрел твою характеристику, думаю, не подведешь батарею, иди, принимай взвод».

Отмщение

В марте части дивизии входят в район Боково – Антрацит, а затем передислоцируются через Ворошиловград в район Каменское – около города Старобельск. В период мая-июня дивизион перевооружается 57-мм и 76-мм пушками. Вторая батарея вооружается 57-мм пушками. В конце августа-начале сентября дивизия ведет кровопролитные наступательные бои на Северском Донце – в районе Голой Долины. Временами в воздухе находилось более сотни самолетов противника. Артиллеристы чаще гибли от огня авиации, чем от поединков с танками. При передышках артиллеристы говорили: «Лучше бы с танками воевать: их видишь, чувствуешь на собственной шкуре, ведешь бои на равных. А тут сыплет сверху – никуда не спрячешься, окопчик зачастую становится могилой». Расчеты пушек в течение двухнедельных боев почти полностью поменялись. Николай удивлялся, кто и что бережет его в этом вихре огня и металла. Молодой офицер мужал, впереди был жестокий враг, и его надо было уничтожать.

Из характеристики на награждение младшего лейтенанта Давыдова Н.Н. медалью «За отвагу»:

«В районе Голая Долина взвод Давыдова Н.Н. вместе с наступающей пехотой первым ворвался в село, уничтожив пять огневых точек, захватив гусеничный тягач. 23 сентяб-

ря в районе Капговка взвод Давыдова Н.Н. уничтожил три пулеметные точки и более 20 солдат противника. Младший лейтенант Давыдов Н.Н. лично прямой наводкой уничтожил огневую точку».

Кстати, захваченный в бою под Голой Долиной гусеничный тягач верой и правдой служил батарее до конца войны.

25 сентября батарея получила приказ поддержать танковый батальон в наступлении. При атаке два наших танка были подбиты. Давыдов засек немецкую батарею 85-мм орудий. Развернул свои пушки и прямой наводкой расстрелял батарею противника, уничтожив личный состав, захватив орудие, которое было передано в третью батарею. Танки, прорвав оборону немцев, устремились вперед. Противник начал с правого фланга контратаку. Впереди справа была болотистая местность, через нее тянулась гать с мостиком посередине. Когда первый танк выскочил на мостик, Давыдов сам стал за орудие, прицелился – и танк с перебитой гусеницей развернулся на мостике, закрыв дорогу остальным машинам. Это был первый подбитый младшим лейтенантом Давыдовым танк. Огнем батареи были подбиты еще два танка, остальные попятились. Танковая контратака была сорвана. Пехота успешно овладела селом Краснопольское.

Сражение за Днепр

419-й отдельный дивизион, приданный 610-му полку, второй день был на марше, сминал отдельные очаги сопротивления противника. Вражеские войска, боясь повторения Сталинграда, спешно отступали за Днепр. Был приказ форсировать Днепр с ходу, чтобы отступающим немецким частям не дать возможности закрепиться на правом берегу.

27 сентября в двух километрах от излучины Днепра, в районе села Вовничи, под обрывистым берегом речушки командир дивизиона капитан Чкаусели собрал офицеров и зачитал директиву Ставки Верховного Главнокомандования от 9 сентября 1943 года о представлении к награждению за форсирование водных преград. Было объявлено: кто при форсировании Днепра проявит смекалку и мужество, чья часть первой займет плацдарм на правом берегу и удержит его до подхода основных сил – те будут представлены к званию Героя Советского Союза. Капитан предупредил, что надо быть готовыми к переправе на подручных средствах – лодках, плотах. Напомнил, что правый берег Днепра крутой, местами обрывистый, что, по разведанным, вдоль Днепра идет сплошная линия обороны противника, в несколько рядов траншеи, проволочные заграждения, сплошные минные поля. Командирам батарей приказал установить взаимодействие с командованием подразделений, которые они будут

прикрывать при захвате плацдарма. Отдав приказ приступить к подготовке форсирования Днепра, командир дивизиона отпустил офицеров во вверенные им части.

Батарея старшего лейтенанта Краснокутского должна была поддерживать 1-й батальон 610-го стрелкового полка. Командир батареи, проверив готовность личного состава к переправе, собрал батарейцев под старым вязом. Зачитал приказ, поставил задачи орудийным расчетам. Предложил старшине разлить трехдневную норму спиртного по фляжкам, но приказал: «Перед боем не употреблять, только после переправы. Вода холодная, земля сырая после дождей, на том берегу спирт пригодится больше».

Пожилые солдаты, сержанты обменивались адресами, выцарапывая их на котелках и ложках. Давали друг другу клятвы в случае гибели сообщить родным, а после войны помочь семье в воспитании детей, навестить старую мать. Обменивались на память фотографиями, кисетами.

В час ночи поступил приказ выдвинуться на исходный рубеж. Чтобы не гудели моторы тягачей, пушки катили к берегу вручную с помощью пехотинцев. Уже на самом берегу измотанный последними боями Давыдов прилег на плащ-палатку и провалился в такой глубокий сон, что связной от командира батареи долго не мог его разбудить. Придя в себя, Николай спросил: «Что случилось?» – «Вас срочно к командиру». В палатке при свете фонариков командир батареи рассматривал карту, разложенную на ящике из-под сна-

рядов. Попросив Давыдова подойти поближе, комбат стал разъяснять боевую задачу: «Сейчас на лодках отправляем разведчиков – и от пехотинцев, и от артиллеристов. Их задача – разведать огневые точки врага, расположение окопов от уреза воды. Задача взвода лейтенанта Давыдова прикрыть их и закрепиться на том берегу. Вам передают роту солдат и десятерых артиллеристов, на случай выбытия расчетов из строя. Вы форсируете Днепр первыми». Под ложечкой засосало, мысли бежали одна за другой, боялся, что могут подбить понтон на переправе, тогда пушки и расчеты окажутся в воде. Вода – это его стихия, он-то выплывет, а вот что делать дальше без орудий и расчетов – не миновать позора. Лишь бы выбраться на берег, хоть с одной пушкой, а там его голыми руками не возьмешь.

Катер на малых оборотах медленно тащил понтон вдоль левого берега против течения. Давыдов дал команду зарядить орудия и поставить на предохранители. Катер развернулся и под углом направился к правому берегу. На середине реки выключили двигатель, и катер с понтоном по течению стали приближаться к берегу. Метров за двадцать до берега с катера подали команду отцепить буксировочный трос. Затем катер развернулся, а понтон по инерции двинулся к берегу и врезался в песчаную отмель. Расчеты сбросили сходни и стали спускать пушки. Палуба понтона освободилась от груза, выправилась и издала громкий «вздых». Немцы выпустили десятки ракет. Берег осветился, расчеты были как на

ладони. Подбежали разведчики, разъясняя обстановку. Солдаты тащили сходни к обрывистому берегу. Пока вытаскивали пушки, немцы открыли ураганный огонь. Давыдов дал команду: «Открыть огонь по фашистам!». После нескольких залпов автоматный огонь противника утих. Пехоте был дан приказ продвигаться вперед, но два пулемета – с левого и правого флангов – прижали пехоту к земле. Пулеметы били по очереди: две-три минуты один, затем другой. По вспышкам месторасположение огневых точек противника определить было трудно, однако дзот правого пулемета разведчики засекли еще ночью. Орудийный огонь быстро подавил его, но левый пулемет бил безостановочно. Два орудия стреляли по предполагаемому месту расположения пулемета. У Давыдова мелькнула мысль: «Амбразура дзота прикрыта бронированной плитой». Подбежал к первому орудью, оно в это время замолчало – командир орудия сержант Сирота Иван Максимович лежал рядом с лафетом иссеченный пулями, а лучший наводчик дивизиона Летников Степан, держась за пробитую пулей голову, сидел неподвижно у затвора. Давыдов приказал заряжающему: «Заряжай бронейбойным!». Тот бестолково посмотрел на Давыдова и проговорил: «Зачем? Там нет танков, нет...». Давыдов закричал: «Заряжай, приказываю зарядить бронейбойным!». Немецкий пулемет в это время перенес огонь на другое орудие. Давыдов хорошо видел вспышки, сам прицелился и выстрелил. Пулемет замолчал. Пехота ринулась к траншеям. Немцы, понеся потери от

огня артиллерии, покинули первую линию окопов. Давыдов дал команду: «Пушки вперед!».

Забрезжил рассвет, но густой утренний туман окутал реку. В окопе Давыдов столкнулся с командиром роты пехоты – молоденьким, худеньким, измазанным грязью лейтенантом. Прокричал: «Жив, лейтенант?» – «Пока живой». – «Связь есть?» – «Есть рация, но повреждена, барахлит, связаться не могу». Светало. Подбежал солдатик, доложил: «Товарищ лейтенант, у берега кто-то в кукурузе шелестит». Лейтенант приказал: «Возьми свое отделение и прочеши кукурузу». Через несколько минут привели двух здоровых, упитанных немцев с рацией. Оказались немецкие разведчики, они были посланы, чтобы узнать, какие силы высадились на берег. Давыдов приказал немцев не уничтожать, хорошо связать – пригодятся, а пока по их рации, совместив с нашими частотами, передал, что плацдарм захвачен. Командир полка ответил: «Держитесь, начинаю переправу на подручных средствах». Немцы открыли шквальный огонь из дальнобойных орудий, но туман мешал вести прицельный огонь. Когда солнце рассеяло туман, солдаты уже расширили плацдарм, захватив вторую и третью линии траншей. Через Днепр наводился понтонный мост. Над мостом завертелась карусель воздушных боев. Наши истребители не подпускали немецких бомбардировщиков к переправе, но дальняя артиллерия и минометы наносили значительный урон форсировавшим Днепр войскам. Понтоны разворачивало, орудия и тан-

ки сваливались в реку. Заводились новые понтоны – и переправа войск продолжалась.

К десяти часам утра все орудия дивизиона были переправлены на отбитый у немцев плацдарм. Командир дивизиона капитан Чаусели объявил Давыдову, что будет представлять его к званию Героя Советского Союза, и передал, что командир батареи старший лейтенант Краснокутский тяжело ранен, на переправе ему оторвало правую руку. Командиром батареи назначен старший лейтенант Зуев Константин Тимофеевич. Немцы беспрестанно вели по нашим позициям артиллерийский огонь, штурмующая авиация парами заходила, бомбила и расстреливала бойцов в окопах. Наша истребительная авиация была задействована на прикрытии переправы. Поступил приказ расширить плацдарм в глубину на 5-6 километров. Дивизия натолкнулась на вторую полосу обороны, более укрепленную. Немцы оправились, подтянули резервы. Контратаки следовали одна за другой. От артиллерийского огня погиб командир батареи Зуев и шестеро солдат. Связь не работала. Из офицеров осталось только двое – он, лейтенант Давыдов, и младший лейтенант Щербак Иван Петрович, который после окончания курсов прибыл в дивизион перед форсированием Днепра. Давыдов объявил, что командование батареей берет на себя. Николая ранило. Осколок вошел в правое предплечье и застрял в кости. Санинструктор расширил рану и пинцетом пытался вытащить осколок, но не получалось. Вызвали мастера-оружей-

ника, который круглогубцами вытащил осколок.

Около двенадцати часов немцы прекратили огонь и контратаки. По рупорам объявили: «Ждите важное сообщение». Нам была необходима передышка, чтобы отправить в тыл раненых, пополнить боезапасы, заменить выбывшие из строя орудия. Ровно в двенадцать часов в небе появился легкомоторный немецкий самолет и стал разбрасывать над окопами листовки, где сообщалось, что немецкое командование приготовило для русских мыло и мочалки – в час дня будут купать в Днепре. Над позициями стояла гнетущая тишина, только слышался стук кирок о неподатливый фунт. Дивизия закапывалась в землю. Батарее Давыдова достался участок шириной около 70 метров. Сориентировавшись на местности, Давыдов определил, что орудия надо расположить уступом назад, так как впереди был овраг под углом к передовой. Было ясно, что танки пойдут в обход оврага, подставляя бока под удар.

Ровно в тринадцать часов услышали тяжелый надрывный гул, подумали, что это массированный налет тяжелых бомбардировщиков, но небо было чистое. В это время разведчик доложил: «Товарищ лейтенант, танки!». Давыдов в бинокль увидел выдвигавшуюся из-за холма колонну танков, которая медленно разворачивалась в боевой порядок. Насчитал 40 танков и 20 автомашин с пехотой. Фашистские чудовища подходили все ближе и ближе. Из автомашин стали выпрыгивать солдаты мотопехоты, рассредоточивались за танками.

По телефону командир полка передавал: «Будем держаться насмерть!». лейтенант Давыдов дал команду: «Батарея, к бою! Прицел шесть! Без команды огня не открывать». Пехотинцы, находясь впереди, занервничали и стали кричать: «Артиллеристы, стреляйте! Почему не стреляете? Стреляйте!». Батарея молчала. Танки подошли к оврагу и стали обходить его, подставляя свои бока. Давыдов дал команду: «Огонь!». С первого залпа были подбиты четыре танка, следом еще два. Огонь шел и с соседних батарей, а из-за Днепра билась дальняя артиллерия. Пехота стреляла из винтовок, автоматов, пулеметов, снайперских винтовок, отсекая немецкую пехоту от танков. Прорвавшиеся танки забрасывали гранатами, бутылками с зажигательной смесью. Фашисты не выдержали мощного сопротивления, начали отступать, оставляя на поле боя горящие танки, автомашины и раненых. Отошли за высоту, перегруппировались и вновь атаковали наши позиции. Вторая атака быстро захлебнулась: артиллеристы в первом бою успели пристреляться на местности, да и мощь противника была уже не та. Воинский дух немцев был сломлен, они с опаской продвигались к полю боя, прячась за подбитые танки, и как только высовывались из-за укрытия, тут же попадали под прицельный огонь.

После двух танковых атак враг оставил на поле боя 24 танка, 20 разбитых автомашин, массу личного оружия. Батарея Давыдова понесла большие потери: прямым попаданием полностью были выведены из строя два расчета. Погиб друг

Николая, земляк, командир орудия старший сержант Кузькин Василий Васильевич, погибли два отличных наводчика – Побасенкин Фома и Понаморев Михаил. Давыдов был ранен в шею, пуля прошла над предплечьем, слегка задев центральное сухожилие, голову развернуло влево, шея не вращалась, боль была в затылок. Трудно было говорить и двигаться. Собрал оставшихся в живых солдат батареи. Приказал раненых отправлять в санчасть, которая развернулась на берегу, под обрывом. Раненые солдаты и сержанты просили: «Товарищ лейтенант, давайте похороним боевых товарищей, прощаемся по русскому обычаю, а потом уже кто в госпиталь, кто в санчасть. Мы стали одной семьей, воюем вместе полгода, идем с боями из-под Сталинграда». Поступила команда собрать убитых и похоронить. Командир дивизиона капитан Чкаусели попросил разрешения похоронить артиллеристов отдельно. Николай стоял на коленях перед лейтенантом Зуевым и повторял: «Как же это тебя, Костя, угрозило, что скажу селянам?». Оба из одного района, только Зуев был на два года постарше, воевал с первого дня войны. Вместе окончили ускоренные офицерские курсы, дружили, делились друг с другом самым сокровенным. Лицо лейтенанта Зуева почернело от пороховой гари, курносый нос заострился. Давыдов закрыл глаза другу и, положив ладонь на его лоб, сказал: «Константин, не беспокойся, отомщу за тебя и погибших товарищей, постараюсь дойти до Берлина и пальнуть из нашей пушки по рейхстагу».

С закатом солнца немцы прекратили атаки. Капитан Чкаусели – среднего роста, со светло-кариими глазами и темно-русыми вьющимися волосами, с длинными усами, которые он постоянно подкручивал, подвижный, сыпавший шутками-прибаутками, частенько повторявший, что только он – гуриец родом из города Ланчхути – истинный грузин, а остальные грузины – мингрелы, сваны, имеретинцы, кахетинцы, аджары – «наши родственники», – построив остатки дивизиона, поблагодарил всех за выдержку, выносливость, за взятие и удержание плацдарма. Капитан особенно отметил огневой взвод лейтенанта Давыдова, который вместе с бойцами пехоты первым высадился на плацдарм, расширил его и удержал до подхода основных сил. За отвагу и проявленное геройство Давыдов будет представлен к званию Героя Советского Союза. Завтра документы оформим и передадим командиру дивизии.

28 сентября немцы с утра начали усиленно бомбить боевые порядки полка. Дивизион нес потери. Николай, хватаясь за голову, кричал: «Лучше бы танки, там врага видишь, в бою выручают смекалка, выучка и смелость, а тут полное бессилие». В середине дня сообщили, что погиб командир дивизиона капитан Чкаусели. Солдаты и офицеры переживали: они любили шустрого, настырного, веселого, но требовательного командира.

Бои продолжались, о наградах тогда мало думали, была одна забота – освободить родную землю. В день 50-летия По-

беды бывший командир орудия старший сержант Максимов Иван Евгеньевич спросил: «Николай, а где же твоя Звезда Героя Советского Союза? Я хорошо помню, как вечером 27 сентября 1943 года перед строем командир дивизиона объявил, что будет писать представление на тебя. На другой день меня ранило, и я провалялся по госпиталям». Давыдов ответил: «Иван, сам знаешь, не до героев было, тогда на плацдарме за три дня боев от дивизиона из старослужащих осталось два десятка человек, а сейчас Союза нет, куда и кому писать, да и из дивизиона нас осталось, как видишь, двое».

4 октября 1943 года на плацдарм прибыла 8-я армия Чуйкова. 203-ю стрелковую дивизию вывели на переформирование.

Бои за новый плацдарм

Дивизия пополнялась личным составом и вооружением. Возвращались из госпиталей раненые. Давыдов каждый день бегал в штаб дивизиона и отбирал себе в батарею обстрелянных солдат: с ними спокойнее и надежнее, они и без команды знали свое дело.

10 октября 1943 года дивизию перебросили к Запорожью. Город был окружен советскими частями, но немцы оказывали отчаянное сопротивление, борясь за город как за будущий плацдарм для наступления. В уличных боях снова отличилась батарея лейтенанта Давыдова. Поддерживая пехоту, батарея уничтожала огневые точки врага – как в подвальных помещениях зданий, так и на перекрестках улиц. 14 октября 1943 года город Запорожье был взят. 29 октября дивизию перебросили южнее Запорожья – в район поселка Старый Кичкос. Форсирование Днепра началось 30 октября 1943 года. Правый берег был сильно укреплен, создана глубокоэшелонированная оборона. Левый берег был пристрелян дальней артиллерией. Фашисты понимали, что в случае захвата плацдарма южнее Запорожья их войска на выступе Днепропетровск – Запорожье оказались бы в кольце.

И снова, как и при форсировании Днепра в районе села Вовниче, дивизион – в передовой группе войск. Днепр здесь был гораздо шире, пехота форсировала реку с рассве-

том на подручных средствах уже более продуманно. Саперы сооружали плоты-катамараны, куда затаскивались крупнокалиберные пулеметы и даже 45-мм пушки. Тяжелая техника переправлялась по двум понтонным мостам. Вода кипела от разрывов снарядов, мин, бомб. Кругом ухало, грохотало, стонало. Понтонны разрывало от прямого попадания бомб, но переправа работала, войска расширяли плацдарм. Дивизию ввели в бой с ходу, при взятии второй линии обороны.

Батарею Давыдова поставили задачу подавить огневые точки противника на ширине фронта 200 метров. Танков на этом участке не ожидалось, так как местность была изрезана глубокими промоинами и оврагами с уклоном в сторону Днепра. Через каждые 20 метров находились огневые точки немцев – или дзоты, или бронированные колпаки. Они были хорошо замаскированы, оборудованы запасными позициями. Из-за холма по плацдарму били минометы и тяжелая артиллерия. Батарея несла потери. Давыдов после первого форсирования Днепра и боев за Запорожье не успевал запоминать лица и фамилии батарейцев. Контратаки следовали одна за другой, пространство впереди было усеяно трупами немецких солдат. Когда после артиллерийского обстрела первое орудие замолчало, Давыдов побежал туда и увидел, что расчета нет. Одних солдат засыпало землей, от других остались только части тел. Орудие завалилось набок. Впереди бил пулемет, не давая пехотинцам поднять головы. Давы-

дов подозвал пехотинцев, поставил орудие на станину, проверил – затвор работает, но прицел был искорежен. Через ствол прицелился на огневую точку, загнал в ствол бронебойный и выстрелил – пулемет замолк, вторым осколочным уничтожил расчет. Но соседний пулемет бил безостановочно по расчету второго орудия, не давая ему открыть огонь. Давыдов подбежал ко второму орудью. Здесь лежали иссеченные пулями командир орудия и наводчик, а в окопчике сидел заряжающий. Давыдов крикнул: «Где остальные?» – «Раненные они, отошли в тыл». – «А ты почему здесь?» – «Да не смог я, ноги перебиты». – «Подожди маленько, закончу с пулеметом, перевяжу тебя, а то ребята гибнут». Николай зарядил бронебойным. Прицелился в бронированный колпак. Выстрелил. Колпак «вздрагнул», но снаряд не пробил его. Пулемет смолк. Давыдов снова зарядил бронебойным, прицелился под основание колпака. Пулемет в это время снова заговорил, и пули застучали по бронешитку. Давыдов успел выстрелить и спрятаться за щиток. Снаряд попал под основание бронеколпака. Колпак подскочил вверх и опрокинулся. Давыдов вытащил раненого из окопчика, разрезал сапоги и увидел, что стопы ног болтаются на сухожилиях. Удивился, что при таком ранении почти не было крови. Отсек ступни кинжалом, перетянул брючным ремнем у щиколоток и потащил солдата на командный пункт батареи. Приказал санитару оттащить к берегу на перевязочный пункт. Солдат тоскливо смотрел на Давыдова, криво улыбался и тихо по-

вторял: «Спасибо, комбат... Спасибо, комбат... Степанов я, Петя... Из села Варваровка, я вас сразу признал, вы к нам приезжали с футбольной командой, нам три мяча забили. Я вас не забуду, что спасли меня, не волнуйтесь, я живучий – выживу».

Продолжалась переброска войск на правый берег. У Давыдова от усталости подкашивались ноги, голова гудела, глаза слипались. Но мысли были только об одном: отбивать, отбивать контратаки. Давыдов собрал бойцов батареи. Два расчета были выведены из строя полностью, разбито одно орудие и еще одно повреждено. В других расчетах батареи осталось по два-три человека. Решили из двух покореженных орудий своими силами сделать одно. Давыдов доложил командиру дивизиона положение дел, попросил пополнения грамотными солдатами. Назначил исполняющих обязанности командиров орудий. Дал указание восстановить обвалку вокруг орудий и окопчики для расчетов и, отужинав, спать. Подъем в четыре утра. Солдаты засыпали, сидя с кружками чая в руках, прислонившись друг к другу спинами.

Проснувшись, Давыдов нашел промоину, заполненную водой. Пробил сапогом лед и, обжигаясь холодной водой, обтерся по пояс. Боль в голове утихла. Подошел молоденький младший лейтенант с группой солдат и доложил о прибытии пополнения. Давыдов распределил солдат по расчетам, показал младшему лейтенанту его пушки, а сам с проснувшимися солдатами стал восстанавливать орудие. Приказал сме-

нить некоторые огневые позиции, отрыть запасные окопчики в полный профиль. С рассветом в термосах притащили горячую пшеничную кашу с салом, чай, несколько буханок поджаренного, хрустящего хлеба. Тыловая команда собирала убитых.

Утром 1 ноября над позициями полка несколько раз пролетала немецкая «рама». С десяти утра немцы начали контратаки, но уже не такие массированные, как 30 октября. Вечером пришел приказ: «2 ноября начать наступление, овладеть третьей линией обороны и развивать наступление дальше». Фашисты подтянули резервы, основательно укрепили третью линию обороны. Дивизия три дня вела штурм, и только пятого утром, после ночных атак, оборона противника была прорвана.

В это же время советские войска сражались за Киев, там шли уличные бои. Чтобы отвлечь наши войска от Киева, немцы 6 ноября начали ложное контрнаступление на участке фронта 203-й дивизии. К середине дня в батарее Давыдова оставалось одно орудие и три человека расчета. Когда тяжело ранило командира взвода лейтенанта Щербака Ивана Петровича, Давыдов сам стал к орудию и повел огонь по пехоте противника. Немцы бросили 12 танков на правый фланг дивизиона, надеясь на узком участке прорвать оборону. Танки поддерживала тяжелая артиллерия и авиация. Первый танк подорвался на mine, второй танк подорвал Давыдов, когда тот обходил воронку и подставил борт. И в это время рядом

с орудием разорвалась 250-килограммовая бомба. Давыдова приподняло – от страха, как в детстве, он успел свернуться клубочком, – швырнуло на землю, и сотни килограммов фунта обрушились на него. Ударной волной с него сорвало сапоги, и голые ноги торчали из земли. Вечером 6 ноября, откапывая убитых и раненых, обнаружили, что у лейтенанта есть признаки жизни.

...Месяц провалялся Давыдов в госпитале в скрученном состоянии, пока не привели его в нормальное положение. Еще два месяца не слышал, не видел, не говорил. Первое, что он увидел, когда пришел в себя, синицу за окном, которая настойно стучала клювом по стеклу – просила пищи. Раненые зачастую ее подкармливали, прибив снаружи под форточкой дощечку. Был зимний солнечный, яркий день. Свет резанул по глазам. Николай закрыл их, долго не открывал, думал, не сон ли это. Но стук повторился. Николай приоткрыл глаза и снова сквозь ресницы увидел синицу. Хотел закричать, сказать, что видит и слышит, но получилось лишь мычание. Давыдов соскочил, стал размахивать руками, показывая на синицу. Кто-то застучал костылями по двери. Прибежала медсестра. Увидела размахивающего руками и показывающего на окно Давыдова, обняла его и заплакала, приговаривая: «Слава Богу, родненький, видишь, выходила тебя на радость матери!».

Когда завершилась Корсунь-Шевченковская наступательная операция и Левитан по радио читал приказ Ставки о при-

своении особо отличившимся в боях частям и соединениям наименования гвардейских и Корсунских, раненые, повскакивав с кроватей, стояли у репродуктора и кричали: «Ура! Ура! Ура!»». Николай тоже пробовал, но какой-то комок по-прежнему мешал говорить, а так хотелось заорать... Но когда назвали его родную 203-ю дивизию, Николай вскрикнул. Все замолчали, обернулись к нему. Стали давать советы: «Давай, давай, лейтенант, выдавливай!.. Давай, мычи громче!». И Давыдов выкрикнул: «Наши там». Бросился по коридору, крича: «Наши там, наши там». Побежал к главврачу просить, чтобы выписали. Главврач вызвал лечащего врача, расспросил об истории болезни, попросил Давыдова: «Давай не будем торопиться, пару недель полечимся, это дело такое: сегодня речь есть, а завтра ее нет, так же, как зрение или слух. Повоевать еще успеешь, впереди Европа». Давыдов согласился.

В апреле Николай выписался. Попросил, чтобы направили его в свою часть.

Освобождение Европы

В августе 1944 года дивизия готовилась форсировать Дунай. Дивизион расположился в крупном селе. Войск было много, хаты переполнены. Давыдов, к этому времени уже старший лейтенант, разместив своих батарейцев, сам остался без ночлега. Заглянул в соседний двор, в глубине которого стояла небольшая, свежевывеленная мазанка под соломенной крышей. У калитки высокий плотный офицер раскуривал трубку, длинные курчавые волосы падали на глаза, он пробовал забросить их пятерней назад, но они снова падали вниз. Офицер пробасил: «Ну что, старшой, остался без ночлега? Заходи, я тут один, места хватит...». Лицо и голос лейтенанта показались Давыдову знакомыми. Он подошел ближе и очутился в медвежьих объятьях. Лейтенант басил: «Комбат, родной, товарищ Давыдов...». Николай вспомнил: младший лейтенант Щербак Иван Петрович, командир второго взвода его батареи, учитель физики, сибиряк – с Алтая, был тяжело ранен при повторном форсировании Днепра. Воевали-то вместе всего пять недель, зато воспоминаний – на всю жизнь. В батарее Щербак был неразлучен с баяном, особенно любил играть вальсы Штрауса. За любовь к музыке и большие голубые глаза его прозвали «морской сибиряк». Давыдов знал, что Щербак отлично играет и на баяне, и на гитаре, и на трубе. Поэтому, заметив, что Иван тоск-

ливо смотрит на гитару, висевшую на стене, Николай попрощал: «Иван, сыграй». Щербак вытащил правую руку из кармана брюк, на руке отсутствовали фаланги указательного и большого пальцев. Давыдов спросил: «Это там, на плацдарме 5 ноября? Но при таком ранении – подчистую». Иван ответил: «А кто будет мстить за моих двух погибших братьев? Только вот за форсирование Днепра и бои за переправу кроме полосок за тяжелые ранения ничего не имею, но я не обижаюсь, винить некого, командиры гибли один за другим, радуюсь тому, что я живой, прибыл в свою родную дивизию на должность командира артиллеристов четвертой батареи». Давыдов тут же написал представление к награде на лейтенанта Щербака Ивана Петровича и побежал с ним к командиру дивизиона.

После форсирования Дуная на границе с Венгрией батареи Давыдова и Щербака оказались рядом. Давыдов стал наводить справки и узнал, что в боях на румынской земле Щербак И.П. снова отличился и был приглашен на вручение награды к командующему армией, который, узнав, что Щербак учитель физики, уговорил его учиться в артиллерийской академии.

В районе Дербецена немцы окружили объединенную группировку под командованием генерала Плиева, куда входил 4-й Кубанский казачий корпус, который громил тылы врага. Корпус вел бои в с немецкой танковой дивизией «Мертвая голова», которая была вооружена тяжелыми тан-

ками «тигр» и «фердинанд». В помощь группировке 4-го казачьего корпуса была брошена армейская артиллерия, в нее входил и 419-й отдельный истребительный противотанковый дивизион. Командование дивизии на деблокирование казаков выдвинуло всю противотанковую и зенитную артиллерию. Дивизион расположился на танкоопасном направлении. Батарея Давыдова стала в створе между двумя оврагами, которые сходились позади батареи. Танки сначала шли фронтальной атакой, но по мере приближения вытягивались в колонну по два.

Когда до танков оставалось метров триста, батарея Давыдова открыла огонь, но танки продолжали двигаться. Давыдов видел, как снаряды выбивали искры из лобовой брони «тигров» и рикошетом отлетали в стороны. Восемнадцать снарядов выпустил расчет, которым командовал Давыдов, но «тигр» продолжал двигаться. Разворочено снарядом одно орудие батареи, за ним другое. Артиллеристы гибли один за другим. Давыдов сам припал к прицелу, руки дрожали, пот заливал глаза. Танк выскочил на проплешины метрах в пяти-десяти от позиции. Давыдов прицелился по правой гусенице. Выстрел. Танк дернулся, прополз метра три и завалился в промоину, подставив левый борт, но продолжал вести огонь. Давыдов снова прицелился, на этот раз под башню, стараясь вывести из строя поворотный механизм, вторым снарядом заклинило башню, третьим снарядом поразили моторную часть. Танк загорелся. Выскочившие танкисты

побежали в овраг, но расстреливать их было некому. Второй танк, обходя первый, подставил борт, и расчет второй пушки с двух снарядов поджег его. Дорога на батарею между оврагами была перекрыта. Задние танки стали разворачиваться и отходить в тыл. С воздуха на отступавшую колонну «тигров» и «пантер» пара за парой заходили штурмовики. Немецкие танки вспыхивали один за другим и горели дымными кострами.

Батарее был дан приказ выдвинуться вперед и срочно развернуться к бою. Давыдов стал в бинокль рассматривать позиции противника. Внизу из-за густого дубового леса выскакивали конники и рассыпались в лаву, впереди развевалось красное знамя. Солдаты закричали: «Наши! Казаки! Ура!». Взвились зеленые ракеты. Солдаты выскакивали из окопчиков, бросали вверх пилотки, палили из автоматов. Николай, размахивая флажком, побежал вниз по склону. Навстречу мчался знаменосец. Передав знамя ординарцу, с коня ловко спрыгнул пожилой казак с усами, выщипанная из-под кубанки чубом, высокий, статный. Схватив Николая в объятья, целовал, приговаривая: «Спасибо, сынок, выручил! Раньше мы фашистам жару давали, а тут они нас крепко зажали танками. Мы бросались из одного места в другое, ища бреши. Мы на конях, а каково раненым. Спасибо вам и командованию дивизии. Вовремя подоспели, от «тигров» и «пантер» отбою не было, наша легкая артиллерия их броню не берет. Войне конец, сынок. После войны жду тебя на Кубани, в стани-

це Новодмитриевской, Григорий Гуща я, найдешь, меня там все знают. Давай на память портсигарами махнемся». Давыдов, виновато улыбаясь, ответил: «Не курю я». Казак обрадованно: «Да я тоже не курю, но от тоски иногда балуюсь, портсигара-то нет, а вот кисет есть – это память, дети из школы, в которой я учился, прислали». Закурили... Поскакали остальные конники, и мощное «ура!» стояло над широкой долиной. Победа была рядом.

После боя под Дербеценом 203-ю дивизию перебросили в Чехословакию. Был апрель, в долинах сияло солнце, а в горах лежал снег. Тяжело давались горные перевалы. Дороги были разбиты, машины буксовали, пушки приходилось вытаскивать вручную. Чехи и словаки встречали советские войска как освободителей. В каждом селе артиллеристы были желанными гостями. Немцы отступали, оставляя отдельные очаги сопротивления на перевалах, переправах, узлах пересечения дорог.

203-й дивизии был дан приказ рассечь немецкую группировку войск генерала Венцеля восточнее Праги. После освобождения Праги нашими войсками отдельные части армии Венцеля продолжали оказывать сопротивление. Последний бой батареи Давыдова провела 12 мая 1945 года в районе села Штаенберг вблизи границы с Германией.

Маньчжурия, Хинган

После короткой передышки дивизию перебросили на Дальний Восток, и в начале июля она вошла в состав Забайкальского фронта.

Батарейцы усиленно готовились к боям с японскими войсками. С 8 августа после преодоления Хинганского перевала сражались в Маньчжурии, освобождая города Чехар и Меле. Давыдов Николай Николаевич после разгрома Кван-тунской армии продолжал служить.

Давыдов Николай Николаевич родился 24.06.1924 г. в селе Белёнка Саратовской области в бедной крестьянской семье.

1928 г. – умирает мать.

Отец – председатель колхоза, председатель сельсовета. В октябре 1941 г. призван в Красную Армию. В январе 1942 г. погиб под Москвой.

1932-1942 гг. – учеба в школе.

Август 1942 г. – март 1943 г. – курсы младших лейтенантов.

Март 1943 г. – 12.05.1945 г – на фронте в составе отдельного истребительного противотанкового дивизиона, командир взвода, командир батареи, трижды ранен (один раз тяжело).

08.08. – 02.09.1945 г. – участник войны с Японией.

1948 г. – курсы усовершенствования офицерского состава.

1951 г. – курсы политсостава.

1952-1954 гг. – Высшая школа пропагандистов СА и ВМФ.

До 1971 г. – служба в Советских Вооруженных Силах, пропагандист высшего военного училища, начальник политотдела, полковник.

1971 г. – преподаватель истории КПСС в Краснодарском политехническом институте.

1972-1989 гг. – преподаватель истории КПСС в КубГУ.

В рядах Вооруженных Сил – 29 лет, прошел путь от рядового до полковника.

В последние годы был заместителем председателя совета ветеранов университета по патриотическому воспитанию молодежи.

Несмотря на свой возраст, выступал в школах, вузах, училищах, разъяснял роль и задачи Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны, воспитывал молодежь на подвигах своих однополчан.

Мужество

Нашествие

Село вторую неделю жило в напряжении. Хотя фронт был далеко, но по ночам над горизонтом полыхало зарево. Земля содрогалась – немецкие самолеты бомбили соседнюю станцию. Из дома в дом передавалось незнакомое, устрашающее слово – эвакуация. В школе организовали призывной пункт. Стояла длинная очередь – мужчины, женщины, дети. Военком выбегал, садился на ступеньках, закуривал, хватался за голову. Проблем было много: негодные к службе старики требовали, чтобы их записали, доказывали, что они имеют на это право: воевали в германскую и гражданскую, у них есть опыт, а молодые пусть подрастут, окрепнут и научатся воевать. Многие приходили семьями и просили направить их в одну часть. Молодые девчата, держась за руки своих суженых, настаивали, что пойдут служить с ними вместе. Парт-орг, бледный, тощий, постоянно кашляющий – после финской две пули сидели в легких, собрал в правлении актив, инструктировал по методам подпольной работы: распределял обязанности, определял явки, разъяснял правила конспирации на случай прихода фашистов. Председатель колхоза – грузный мужчина с широким лбом, лысый, – стоя в бричке,

мотался по селу – от фермы к конному двору, от амбаров с зерном к правлению. Собрать народ было трудно, некоторые еще два дня назад, узнав, что фронт прорван, ушли на восток. Вроде и паники нет, но люди то бежали на призывной пункт, то мчались на выгон забирать свой скот, то, стоя группами, смотрели на немецкие самолеты, которые, как коршуны, черной стаей летели на восток. Председатель, понимая, что хлеб не вывезти, дал команду бригадирам раздать хлеб по домам по количеству едоков. Старики, бабы, подростки покатали тачки, хватали оставшихся в конюшнях лошадей, запрягали и ехали к амбарам. Стадо коров успели угнать за реку. Председатель дал команду: кто хочет эвакуироваться – забирайте лошадей и организованно после обеда отправляйтесь, отъезжающих будет сопровождать парторг. Селяне стояли у калиток, и лишь немногие решились уехать из родного дома. Куда? Сейчас лето – тепло, а придет зима? Остаться без крыши над головой, без хозяйства, а чем жить? Многие помнили, как в 1918 году немцы пришли и быстро ушли. Люди думали, что и теперь это временно. Красная Армия сильная. Заманит гитлеровцев, а потом как даст им по шее и погонит обратно.

На закате в село вошла отступающая часть. Солдаты были в пыли, грязные, обтрепанные, с натертыми ногами. На нескольких машинах и повозках везли раненых. Председатель приказал затопить бани, напечь хлеба, обстирать солдат. Через полчаса дымилась полевая кухня. Селяне несли

кто что мог. Грузили на солдатские подводы. Многие раненые были совсем плохи. Командир части – майор с землистым лицом, обвисшими усами – попросил председателя оставить тяжело раненных в селе, предупредив, что это опасно, – пусть жители скажут, что это их мужья, сыновья, родственники, немцы могут быть тут ночью, хотя оставлены заслоны на реке, но боеприпасов хватит на час боя, не более.

Прихватив колхозные повозки и заправившись бензином, отступавшая часть ночью покинула село. Нависла гнетущая тишина, только порой слышно было, как воют собаки, тоскуя по своим хозяевам, которые ушли, побросав родные очаги. На заре петухи не возвестили о начале утра, какой-то молодой кукарекнул, но тут же смолк. Воробьи не купались в дорожной пыли. Багровое солнце медленно поднималось над домами. Было слышно, как за леском у реки идет бой. Прилетели самолеты, раздались глухие удары взрывов бомб – и смолкло. А через несколько минут из-за дубравы выползла черная танковая змея.

Оккупация

Выстрелы разорвали деревенскую тишину. Танки вели огонь по церковной колокольне. Колокольня наклонилась и рухнула. Из дворов бросались на черные чудовища собаки. Немцы, гогоча, расстреливали их. За танками в село въехали автомашины, многие играли на губных гармошках. Остановились на площади в центре села. Люди, прячась за калитки, заборы, поглядывали, что будут делать немцы. Появился счетовод Ефим Подколодкин с домочадцами и рядом с ним Колька Свистунов, который отбывал срок за разграбление сельского магазина. Подковылял и Марк Степанович – колхозный кладовщик, его отец до революции владел маслобойней и магазином. Подбежал дед Устин, староста церкви. Хотя церковь и была закрыта с 1935 года, но дед Устин следил за порядком и сохранностью и не допустил, чтобы из церкви сделали клуб. В школе преподавал немецкий. Был начитан, опрятен, рассудителен. Селяне любили деда Устина и шли к нему за советом. Дед Устин стал отчитывать немецкого офицера за разрушенную колокольню: «Вы говорите, что коммунисты безбожники, но они не насмеялись над чувствами верующих, сохранили церковь, она не только украшение села, но и памятник деревянного зодчества». Немец внимательно слушал деда, говорившего на чистом немецком языке, но когда дед Устин сказал: «Как вам не стыдно, вы же христиа-

нин», – резко хлестнул Устина стеклом по лицу. Дед схватился рукой за скулу и выкрикнул: «И это культурная Европа, это высшая раса!». Офицер кулаком в перчатке ударил Устина в переносицу. Устин упал. Немец с каким-то звериным удовольствием пинал Устина, пока тот не перестал стонать. Фашист крикнул: «Убрать!». Два здоровых солдата ухватили Устина и потащили к церкви, положили у входных дверей.

На площадь въехал автобус, из которого повыскакивало до двух десятков человек с повязками «Жандармерия».

Ефим Подколодкин распределил немцев на ночлег по домам. До утра слышались пьяные песни, крики детей, визг поросят и вой собак. Утром фашисты уходили из села, оставляя груды мусора, поломанные палисадники и плачущих обесчещенных девчат.

Женщины открыли церковь, отпели Устина и похоронили в ограде. Он имел на это право – хранитель храма.

Жандармы разместились в школе. Днем всех – от мала до велика – согнали на площадь. Объявили, что старостой села будет Ефим Подколодкин, а Марк Степанович – его помощником. Кольке Свистунову поручили формировать отряд полицаев: «Кто не захочет добровольно – заставим силой». Колхозный амбар превратили в тюрьму. Жандармы ходили по дворам с Ефимом Подколодкиным, искали раненых красноармейцев.

Староста

Ефим вначале как-то совестился, потому что всех знал, в колхозе к нему относились уважительно. Вышел встречать немцев, опасаясь, что найдется какой-нибудь прихвостень и погубит людей ни за что. Немцев знал по Первой мировой. В 1915 году в Польше попал в плен. Три года был в плену. За свою смекалку был у крупного бауэра за управляющего. После капитуляции Германии в ноябре 1918 года домой возвращаться не спешил – порядка тут было больше, чем в России. Но тяга к родным местам, а главное – престарелые родители понудили Ефима вернуться на Родину. Немецкую речь понимал, даже сносно говорил. Ему не верилось, что трудолюбивый немецкий народ можно так исковеркать, пробудить в нем звериные инстинкты.

Жандармерия проводила перепись населения от 12 до 60 лет, особо обращала внимание на подростков. Через неделю списки были готовы. Но ночью школа загорелась. Полицаи успели повыскакивать, а списки сгорели. Той же ночью в окно к Ефиму Подколоткину влетел камень с запиской, что если и дальше он будет прислуживать немцам, то сожгут его вместе с домом Ефим испугался больше, чем прихода немцев. Дома старая жена и малолетняя внучка Анфиса. Начались облавы. Жандармерия перебралась в здание больницы. Колька Свистунов извивался перед жандармами, обещая

найти поджигателя. Селяне отправляли подростков в соседние села – к знакомым и дальним родственникам. Но ребята возвращались, сообщая, что там молодежь вербуют для отправки в Германию. В селе по ночам стали появляться пробирающиеся на восток красноармейцы. От немцев был строгий приказ: кто будет укрывать – расстрел.

Комсорг школы

Колька Свистунов выловил в селе до десятка старшеклассников. В амбарах их пытали. Село по ночам не спало, слышали, как оттуда раздавались душераздирающие крики. Вину за поджог школы взял на себя Саша Федоров, комсорг, сын директора школы. Директор школы с женой и тремя детьми уехали на Урал. Саша, видимо, был оставлен для подпольной работы.

В воскресенье с утра моросил дождик. Народ согнали на площадь. От амбаров перевязанного колючей проволокой вели Сашу к виселице, установленной напротив правления. Когда-то кудрявые темно-русые волосы от крови слиплись на голове. Один глаз был выбит. Мускулистое тело было в синяках и кровавых подтеках. Перед помостом Саша попросил распутать проволоку. Остановился и во всю глубину легких прокричал: «Не становитесь на колени, бейте фашистов, наши придут!». Офицер ударил его парабеллумом по голове. Саша упал на колени. Прохрипел: «Поднимите! Советские люди не умирают на коленях». Немцы потащили Сашу к виселице, прикладами автоматов нанося удары в грудь, в лицо. На подмостках Саша уже был мертв. Фашисты долго надевали петлю. Люди отворачивались и плакали. Повесили на грудь доску, на которой было написано: «Партизан». Остальных ребят выпустили.

Дима Перепёлкин был рад, что никто на допросах не проговорился. Это они втроем – Саша Федоров, он и Петька Крюков – подожгли школу, вылив на стены два бидона керосина.

После этой беды Ефим Подколодкин слег. Старостой села назначили Марка Степановича.

Зверь

Марка как будто подменили. Упоенный властью, он стал выгонять из домов тех, кто когда-то был причастен к его раскулачиванию, а также активистов колхозного движения, грозился повесить всех комсомольцев. Наложил оброк на селян, чтобы по очереди каждый день его с Колькой Свистуновым и начальником жандармов приглашали в гости, ставили бы четверть самогона, и чтоб обязательно были молодухи. Гулянье шло до утра.

Через три месяца жандармерия из села ушла, остались начальник жандармерии и десяток полицаев во главе с Колькой Свистуновым. Двое полицаев были свои, пятерых Колька разыскал в соседних селах, и трое из дезертиров-красноармейцев. Во время гулянок троицу охраняли полицаи, расставленные вокруг дома. Из степенного Марка Степановича Занозы бывший кладовщик превратился просто в Занозу. Жена и дети ушли жить к бабушке.

Свой день рождения Заноза справлял у себя дома – широко. Полицаи были со своими зазнобами. У Занозы появилась какая-то пришлая любовница – молодая грудастая девица, певунья и плясунья. Утром выпал первый снежок. По селу разнеслась весть: Колька Свистунов и Заноза повешены, а в доме Занозы валяются связанные пьяные полицаи без штанов и с отрезанными мошонками. Кто-то сообщил в управу

соседнего села. Приехал карательный отряд. Всех мужчин и подростков погрузили в грузовики и отправили на станцию. Каратели неделю зверствовали в селе, но так и не узнали, кто это сделал. Селяне сами гадали, кто это мог сотворить. Горевали по мужьям и детям, но и гордились: «Отомстили, на колени не встали».

Чужбина

На станции селян рассортировали, отделили стариков, мужчин и подростков. Питались теми запасами, что успели прихватить из дома. Пригоняли, привозили народ из соседних сел. На третий день начали формировать эшелон. В вагоны-теплушки набивали под завязку. Голый пол, печка-буржуйка, два ведра с водой и старое ведро в углу для отходов. В один вагон с Димой попали восемь подростков из родного села. Он знал их – это были его товарищи по школе, кроме двух, которые уже окончили курсы трактористов. Договорились, что будут держаться вместе. Дима управление группой взял на себя. Заняли один из углов вагона, поближе к окошку. При посадке успели натаскать угля и щепок – собирали на путях. Со скрипом звякнула дверь. Охранники замотали задвижки проволокой.

Четвертый день в пути. По дороге Дима слышал, как стучали буфера: подцепляли дополнительные вагоны. Ночи стали холоднее. Буржуйка была накалена докрасна, но даже возле нее не было жарко, а по углам вагона – совсем холодно. В щелях свистел ветер. Начались потасовки за место у печи. Отнимали друг у друга скудные запасы еды. Дима решил бежать. По доносившимся на станциях голосам он догадывался; что поезд идет через Польшу. Юноша за эти дни вытянулся, скулы обострились, щеки ввалились, на лбу, над пе-

реносицей появилась складка, карие глаза поблекли, в них запала тоска. Его все время мучили вопросы: «Как там мама с двумя братишками и сестренкой? Что с отцом, где воюет, жив ли?.. Так больше нельзя, надо действовать». Обследовал вагон: на окнах колючая проволока, на полу толстые доски, оторвать их нечем. Единственное место, через которое можно выбраться, – это отверстие для трубы от буржуйки. Охотников бежать через узкое отверстие больше не нашлось. Чужая страна; куда побежишь, к кому пойдешь? Остудили печь, вытащили трубу, отодрали лист железа, через который она проходила, и выпихнули Диму. Едва он успел растянуться на крыше вагона, как поезд влетел в туннель. Справа была скала, слева – обрыв к реке. Диму одолел страх, возникло желание вползти обратно, но, вспомнив судьбу Саши Федорова, он стал спускаться по скобам вниз.

Темнота ночи пугала неизвестностью. Отцепившись от последней скобы, Дима полетел под уклон насыпи, обдирая лицо и руки о колючий кустарник. Бултыхнулся в воду, которая холодом обожгла тело. Поток потащил по камням. Кое-как перебрался на противоположный берег. Знобило. Набрел на тропинку, которая привела к сторожке. Светало. Поднялся по ступенькам и без памяти упал на помост. Проснулся. Двое здоровых пожилых мужчин растирали его тело мочалкой, смоченной в спирте. Жарко топилась печь. Стал понимать кое-какие слова из разговора незнакомцев. Испугался – это немцы. Дима бредил. Кричал по-русски.

Звал маму. На третий день пришел в себя.

В неволе

Через неделю Диму привели в небольшой горный поселок. Дима напрягал память и вспоминал немецкие слова. Стал соображать, что находится в Австрии. Кто-то сообщил в управу. Приехали жандармы и забрали в лагерь, который располагался за перевалом, в долине.

В лагере находились французы, бельгийцы, норвежцы и несколько русских, которые остались в Австрии после Первой мировой войны. Лагерь был обнесен колючей проволокой, охранялся часовыми на вышках и собаками. Жили в бараках. Жилье было сносное. Двухъярусные нары, дерюжное постельное белье. Каждую неделю баня. В 6.00 подъем, в 7.00 завтрак: ломоть черного хлеба и кружка ячменного кофе. 7.30 – построение, проверка. В 8.00 спуск в шахту. В 14.00 обед: миска овощного супа на комбижире и кусок хлеба. Вечером поварешка ячневой каши и чай из диких сушеных яблок. Конец работы в 20.00. Вечерняя проверка и отбой в 22.00. От усталости люди снопами падали на лежаки. С ними в шахте работали местные жители – бригадирами, взрывниками, откатчиками руды. После взрыва ломачами, кайлами, кувалдами, кирками разбивали руду на мелкие куски и грузили в вагонетки. Надсмотрщики не давали передохнуть ни минуты. Пыль забивала легкие. Дима догадывался, что это не железная и не медная руда. В кусках руды были боль-

шие темно-серые вкрапления. Австрийцы говорили, что это молибден. Ходили слухи об урановой руде. Через полгода работы люди начинали слабеть, душил кашель. От недоедания, рабского труда, замкнутости пространства и безысходности рабочие таяли, как свечи, и по утрам после подъема на нарах оставались лежать холодные тела. Если кого отправляли в лазарет в соседний барак, то оттуда никто не возвращался.

Дима решил бежать. Раздобыв стеариновую свечу и клубок суровых ниток, после обеда незаметно уходил в выработки, блуждал по туннелям старых разработок, оставляя метки, чтобы не повторять свой путь. Через несколько дней нашел подземный ручей. Недалеко обнаружил второе отверстие, видимо, ручей когда-то изменил русло. Отверстие – широкая дыра, отшлифованная водой за столетия, – уходило вверх, откуда проникал слабый свет. На другой день Дима принес кирку и, делая выемки, стал пробиваться на поверхность. Щель постепенно расширялась, подниматься стало легче. На седьмой день выбрался наружу. Спустился обратно. У местных рабочих стал расспрашивать, что за местность. Выяснилось, что недалеко итальянская граница.

Дима стал основательно готовиться к побегу. В июне в горах поспели лесные ягоды. Дима запасся крепкой десятиметровой веревкой. По выходным на солнышке сушил сухари. Учил немецкий по детским книжкам, которые приносили ему австрийцы. Приглядывался к другим пленным: в дороге нужен надежный напарник. Диме нравился жилистый, лет

тридцати француз Жак. Объяснялись на смешанном французско-немецком языке. Оказался член французского Сопротивления, спортсмен, чемпион Савойи по вольной борьбе. Тайну побега Дима не раскрывал, проверял. Говорил, но не договаривал. Знал, что француз пробовал бежать, но был схвачен собаками. На ногах плохо заживали рваные раны от укусов собак. Когда Дима раскрыл суть побега, француз обрадовался. Ходил по бараку, хлопал товарищей по плечам, те не могли понять, чему он радуется. Француз стал убеждать Диму: «Мы убежим, а другие останутся погибать? У нас есть тайный комитет, хотя всем доверять нельзя, могут оказаться предателями, но двум-трем товарищам я скажу, пусть после нашего побега подождут месяц и действуют по своему усмотрению».

Свобода

Конец июня. Заранее спрятав в штольне веревку, кирку, продукты, одежду, Дима с длинноногим отощавшим французом после начала работы незаметно устремились по выработке к выходу. Оказавшись наверху, свалились от усталости под деревом. Француз тормозил Дмитрия: «Надо идти, а то могут хватиться и пустить по следу собак». Подъем был крутой. К середине дня поднялись на вершину хребта. Вдали на юг виднелись горы, покрытые снегом. Дима подумал: может, вернуться обратно? В бараке есть угол, горячий обед, но там была неволя. Воздух один и тот же, но в лагере он тяжелый, давящий. Француз торопил, окликал Диму по-своему: «Дюма». К вечеру спустились в долину. Если на хребте свистел ветер, то здесь было тихо и тепло, цвели дикие розы, журчал ручей. Размочив корочки хлеба, закусывая дикой земляникой – отобедали. Наломали веток для лежанки, улеглись спать. Костер разводить побоялись.

К утру похолодало. Повскакивали, умылись из ручья и по распадку стали подниматься к снежной вершине, зная, что за этой горой Италия. Поднимались целый день, цепляясь за уступы скал. Утопая по колено в снегу, взобрались на перевал. Солнце катилось к закату. Руки и ноги окаменели, насквозь пронизывал жгучий ветер. Над перевалом стоял туман. Сил идти не было, хотелось прилечь, но француз кри-

чал: «Дюма! Нельзя ложиться, надо спускаться вниз». Свя-
завшись веревкой, по снегу катились вниз, тормозя толсты-
ми сучьями. На середине горы зиял обрыв. Дима неумело
затормозил и повис над пропастью. Жак, упершись в сос-
ну, успел задержаться. Вытаскивая, ругал Диму: «В горах на-
до быть внимательнее, я родился и вырос в горах Савойи, в
местности Энье-ле-Бен. Горы всегда таят опасность». Под-
ниматься и обходить обрыв опасно: по хребту граница. Ре-
шили спускаться здесь.

Опустили веревку, метра два не хватало до выступа. На-
растили брючными ремнями, закрепили за сосну. Первым
спускался француз. Повис на конце веревки и ухнул на вы-
ступ скалы. Прыжок оказался неудачным. Дима видел, как
француз морщился от боли. Привстав, он дал команду спус-
каться Диме. Тот медленно заскользил по веревке, боясь сор-
ваться. Уцепился мертвой хваткой за ее конец и завис. Жак
приказал: «Дюма, прыгай!». Дима отпустил веревку и ока-
зался в объятиях товарища. Упали вместе на щебень. Фран-
цуз посетовал: «Дюма, у меня что-то с ногой неладно, не мо-
гу встать, посмотри». Дима ощупал ногу. Кость цела, но у
щиколотки припухлость. Дима и ребята из футбольной ко-
манды часто вывихивали ноги, а его бабушка их выправля-
ла. Дима видел, как это делается. Предложил: «Жак, потер-
пи, я все исправлю». Покрутил ногу влево, вправо и дернул.
Жак вскрикнул, капельки пота выступили на лбу. Посидели.
Дима попросил: «Давай попробуем идти, уже ночь, мы тут

замерзнем». Нога ныла, но наступать было можно. Поддерживая друг друга, стали спускаться по расщелине. Постепенно спуск становился положе. Появился кустарник. Держась за ветки, сползали по уклону. Достигли зарослей березняка. Хотя светила луна, но под деревьями было темно. Ощупью спускались ниже и ниже. С долины повеяло теплым ветром. Только к утру, путаясь в густой траве, попали в долину – ободранные и голодные.

Уснули крепким сном у копны свежескошенного сена. Когда проснулись, увидели, что стадо коз обступило стожок. Два курчавых подростка с длинными палками в руках рассматривали незнакомцев. Француз вскочил, стал спрашивать по-немецки: «Кто вы?». Мальчики что-то говорили на мягком, певучем языке. Француз медленно заговорил на своем языке, подростки отвечали на своем. Жак схватил Диму в охапку и закричал: «Дюма, это итальяно!». Дима понял: они в Италии. Это свобода! Один из подростков стал отгонять коз от сена, а другой, назвавшийся Роберто, повел беглецов к пещере. У входа горел костер. В чане варился сыр. Кипел чайник. Жак и Дима усадились на стол, сплетенный из прутьев, на скатерти лежал каравай хлеба. Им отрезали два огромных ломтя и налили в глиняные кружки молока. Француз понимал итальянский – его детство прошло по соседству с итальянской семьей.

Сопrotивление

К вечеру пришли два рослых бородатых итальянца с карабинами за плечами, обвешанные гранатами. Француз долго объяснялся с ними, часто показывая на Диму. Те повторяли: «О русино, о Москва! Гитлер, Муссолини капут». В сумерках забрали беглецов с собой. При луне привели в небольшой лагерь под огромной скалой. Несколько палаток стояло под густыми развесистыми дубами. Завели в командирскую палатку. Невысокий, седой, с короткой профессорской бородкой и озорными глазами командир долго беседовал с пришельцами. Отряд носил имя Гарибальди. Здесь была основная база партизанского движения севера Италии – Трентино-Альто-Адидже. Партизанские отряды действовали вдоль железной дороги Больцано – Инсбрук, взрывая полотно и туннели. Немцы бросили целую дивизию на подавление партизанского движения. Вверх по ущелью в огромной пещере располагался госпиталь коек на сто, со своей электроподстанцией. Лучшие хирурги работали тут. Их приглашали из престижных клиник.

Диму определили в техническую группу по изготовлению взрывных устройств. Жак напросился в подрывную группу, убедив командование, что у него личный счет с немцами. Дима за три месяца освоил итальянский. Когда началась битва за Сталинград, по вечерам окружали приемник. Страдали и

верили. А когда сообщили, что 6-я армия Паулюса окружена, лагерь бушевал до полуночи. Все стремились обнять Диму, похлопать по плечу: «Виват советико!». Понимали, что победа под Сталинградом – это и их победа. Более десятка железнодорожных составов пущено под откос, сотни немцев и итальянцев-предателей уничтожены. Но и своих потерь много. Сколько бойцов Сопротивления лежит вдоль партизанских троп, напоминанием о них служат каменные глыбы на могилах.

Жак и Дима были неразлучны, но группа подрыва уходила надолго, иногда на две-три недели. Дима стал проситься на задание. В лагере люди менялись постоянно. Одни уходили, другие приходили. В феврале, когда узнали о полном разгроме окруженной в Сталинграде немецкой группировки и пленении Паулюса, Дима настоял, чтобы его взяли в отряд подрывников. Жак обрадовался. Они снова были вместе.

В апреле группа попала в засаду. Бой длился около двух часов. Из окружения вырвались пять человек. Жака среди них не было. Было решено через сутки вернуться, а сейчас оставаться нельзя немцы прочесывали лес вдоль железной дороги. В группе было двое тяжелораненых, надо было отходить. Через сутки, отправив тяжелораненых в госпиталь и пополнив боезапас, укомплектованный новыми бойцами отряд вернулся на место боя. Нашли четырех убитых товарищей, но Жака не было. Дима облазил все кустарники, заглядывал за каждый валун, но друга не нашел. Горькие думы

одолевали Диму: может быть, тяжело раненного Жака немцы взяли в плен? Доложил командиру отряда. Было решено подготовиться к передислокации лагеря. На дальних подступах выставили охрану. Минировали тропы, делали запасные схроны. Прошла неделя – немцы не появились.

В сентябре 1943 года на юге Италии высадились американцы. Началось освобождение страны от фашистов. Но север оставался под оккупацией. Американцы с самолетов сбрасывали в места расположения партизанских отрядов продовольствие, боеприпасы. Проводники приводили пополнение. Отряды Сопротивления активизировали свою деятельность. На перевале Бреннер отряд вел бои с немецкой колонной, которая переправлялась в Австрию. Силы были неравны. Немецкая дивизия развернулась в боевой порядок. Отряд был прижат к скале. Командир попросил добровольцев остаться на прикрытие, чтобы дать возможность остальным выйти из-под огня. Дима к этому времени стал отчаянным и дерзким подрывником. Возмужал, подрос, окреп. Попросил разрешения остаться с группой прикрытия. Отряд уходил, оставшиеся бойцы вели интенсивный огонь, но гибли один за другим. Немецкие мины сыпались беспрерывно, осколки свистели со всех сторон, укрыться от них было невозможно. Диму несколько раз ранило. Фашисты осмелели и шли напролом. Пули откалывали осколки от валуна, за которым лежал Дима. Друзья были убиты. Дима огня не вел – кончились патроны. Немцы перестали стрелять. Пре-

возмогая боль, Дима приподнялся. Привалившись к скале, выхватил из-за пояса гранату и бросил под ноги окружившим его немцам, но граната не взорвалась. Сбив Диму на землю, бросили его на плащ-палатку и понесли к колонне. Доложили командиру дивизии об уничтожении отряда и поимке партизана. Перед тем как повесить, командир дивизии приказал допросить. Принесли окровавленного, иссеченного осколками русоголового мальчишку, который то приходил в сознание, то впадал в забытие, вскрикивая: «Мама, мама, где ты?». Немецкий генерал понял, что это не итальянец, а русский. Решил узнать, кто он и откуда. Отправили в лазарет. В Австрии, в Инсбруке, его оставили в госпитале для военнопленных. Поздней осенью 1943 года всех мало-мальски державшихся на ногах загрузили в эшелоны и отправили во Францию, на побережье Ла-Манша – строить оборонительные сооружения, так называемый «Атлантический вал».

«Атлантический вал»

Холодный сырой ветер с пролива пробирал до костей. Дощатые бараки продувало ветром, отапливались они плохо. Бурый уголь шлаковался в печах. Кормежка была скудной, во много раз хуже, чем в австрийских Альпах. Люди умирали от голода и непосильного труда. Трупы вывозили на баржах в пролив. Из концентрационных лагерей эшелоны привозили новых и новых узников. Работа была адской. Рыли глубокие рвы, перед ними устанавливали надолбы, бетонировали бункера под огневые точки. К концу дня пальцы дрожали, руки не держали носилки с раствором. Обреченные падали и не вставали.

Однажды Дима увидел в соседней группе узника, похожего на Жака. На другой день старался работать поближе к этой бригаде, когда поравнялись окликнул: «Жак!». Француз остановился, но глаза его смотрели куда-то поверх Димы. Дима повторил: «Жак, это я – Дюма». Жак сделал несколько шагов в сторону Димы, упал на колени и простонал: «Дюма, как я рад, что ты жив и снова рядом со мной. Дюма, я погибаю, еще несколько дней, и я буду кормить рыбу в проливе». Было видно, что из-под его рубы торчали ребра, тело посинело, в глазах смертельная тоска. Дима спросил: «Как ты здесь оказался?». Жак рассказал, как его, раненного в том бою, взяли в плен. Пытали. Жгли раскаленными прутьями.

Допытывались где партизаны, но он твердил одно и то же: в облаву попал случайно, бежал из лагеря в Австрии и пробирался вдоль железной дороги домой – во Францию. Сделали запрос в тот лагерь, оттуда подтвердили, что это правда. Они бежали вдвоем с русским... Стали спрашивать, где русский, Жак ответил, что русский замерз на перевале. Отправили в концлагерь, а потом сюда, уже три месяца тут. Дима рассказал, как он попал в плен.

Каждый день они находили возможность несколько минут видеться. В конце октября немецкую охрану сняли и отправили на Восточный фронт, где дела у немцев были совсем плохи. Русские форсировали Днепр. В лагере действовало подполье.

Земляк

Немецкую охрану заменили русскими, почему-то их называли власовцами. В форме немецкого фельдфебеля Дима узнал дядю Васю с соседней улицы. Мужчина лет сорока, бывший конюх, с носом лепешкой и пухлыми щеками. С его тремя сыновьями Дима ходил в одну школу, а летом оравой мотались на лошадях в ночное. В лагере дядя Вася возглавлял отделение охраны двух отрядов узников. Как-то Дима приблизился к дяде Васе и прошептал: «Дядя Вася, это я, Дима Перепелкин, сын ветеринара Петра Устиновича. Я вас помню, мы с вашими ребятами – Колькой, Петькой и Наумом – вместе в школу ходили и лошадей пасли». Дядя Вася пристально посмотрел и спросил: «Ты, что ли, Димка Перепелкин, сын Петра Устиновича?» – «Я, – подтвердил Дима. – У меня тут есть друг Жак, ему надо помочь, иначе он загнется». Начальник охраны тоже оказался земляком. Договорились, и Жака перевели в один отряд с Димой. Дядя Вася отводил их в готовый бункер, где они из щепочек разводили костер и в консервных банках варили морские водоросли, моллюсков. Дядя Вася где-то достал им пачку настоящего чая, иногда незаметно совал по галете.

Жак постепенно стал приходить в себя, оживать. Рассказывал Диме, какая у него чудесная жена и дочери – пяти и семи лет. Лагерный комитет передал, что французское Со-

противление помнит Жака и что Шарль де Голль наградил его орденом. Жаку стали приходить посылки и письма от друзей по Соппротивлению и от жены. Весной 1944 года Жак решил бежать. Стал уговаривать Диму. Дима отвечал: «Не могу, придут наши, арестуют дядю Васю, кто его защитит». Жак горячился: «Мы его защитим». Но Дима упорствовал: «Здесь вы защитите, но нас отправят в Союз, кто его защитит там. Его могут расстрелять за измену и пособничество фашистам или осудят лет на десять, а дядя Вася уже немолодой, может сгинуть в тюрьме и не увидит своих сыновей».

В апреле 1944 года группа французов ночью была выведена из лагеря. Лагерному начальству доложили, что они умерли и их вывезли в овраг.

Возмездие

С территории Англии каждый день налетали сотни самолетов и бомбили немецкую линию обороны. Рвы осыпались, минные поля перемещивались с горами песка, колючая проволока кусками болталась на столбах, но надолбы стояли, а бомбы не пробивали бункера и доты. В мае все линии обороны заняли немецкие части. После налетов авиации лагерников выгоняли восстанавливать укрепления.

На рассвете 6 июля 1944 года к берегу подошли десантные корабли. Высаживались англо-американские войска. По всему горизонту виднелись корабли, которые вели непрерывный огонь по огневым точкам фашистов. Узники были в лагере. Власовская охрана арестовала фашистское руководство лагеря и взяла охрану лагеря в свои руки – на случай непредсказуемых действий фашистов. Комитет лагеря совместно с власовцами стал организовывать оборону лагеря. Союзники, используя фактор внезапности, к середине дня заняли первую линию обороны, но на второй застряли. Фашисты подтянули резервы. Бой шел до вечера. Лагерный комитет решил отправить к союзникам связных, которые знали расположение огневых точек и проходы в минных полях. Комитет просил передать, что при огневой поддержке они могут ударить по фашистам с тыла.

Связные вернулись к рассвету. Было решено начать дей-

ствия в то время, когда немцы обычно обедают. Ровно в 14.00 с кораблей открыли огонь артподготовки. Через полчаса, когда артподготовка закончилась, союзники пошли в атаку. А отряды Сопротивления с тыла врываются в бункера, уничтожая огневые точки противника. Вооружившись немецким стрелковым оружием, продолжали выбивать немцев. Громовое «ура!» разносилось над песчаными дюнами. Вторая линия немецкой обороны была прорвана. Десант союзников устремился в брешь. Пехота при поддержке боевой техники, несмотря на фланговый огонь, продолжала расширять плацдарм. Стали подходить другие суда. Как выяснилось, по замыслу союзного командования, здесь был отвлекающий удар, а основные силы высаживались в 40 километрах северо-восточнее.

После боя союзники заставили военнопленных вернуться в лагерь.

Награда

У ворот лагеря Дима увидел Жака с группой бойцов Сопротивления в красных беретах. Жак размахивал руками и кричал: «Русо, Дюма, это я – Жак! Идем с нами!». Диму посадили на джип и повезли в небольшую рыбацкую деревню. Жак представил его высокому мужчине с крупным носом, в головном уборе, похожем на кастрюльку, с большим козырьком. Прошептал: «С тобой хочет беседовать де Голль, я рассказал ему о тебе». Дима в лагере освоил французский и лихо отрапортовал: «Дмитрий Перепелкин, заключенный под номером 6837. – Подумав, добавил: – Дюма». Французы заулыбались. Де Голль говорил быстро и долго. Французы встали по стойке «смирно». Дима понимал, что он рассказывает о его биографии, участии в Сопротивлении, мужестве и стойкости в борьбе с фашизмом. В конце речи де Голль пожал Диме руку, взял со стола медаль, прикрепил ему на грудь и торжественно проговорил: «За заслуги в борьбе с фашизмом, за пролитую кровь, за участие в советском, французском, итальянском Сопротивлении». Попросил, чтобы Дмитрия переодели в форму французского солдата. На прощание сказал: «Мы рады будем видеть вас гражданином Франции или гостем». Дмитрий ответил: «Служу народу Франции и Союзу Советских Социалистических Республик». Стоявшие вокруг захлопали.

Дмитрий попросил, чтобы Жак помог дяде Васе и тем военнопленным русским, которые были в их отряде. Вернулись в лагерь, где уже работала комиссия, рассортировывая заключенных. Французов, бельгийцев, норвежцев, датчан, итальянцев отпускали домой, вручая им документы, что они находились в концлагере. Советские военнопленные и власовцы были размещены в разных бараках. Жак упросил, чтобы дядю Васю перевели от власовцев к узникам лагеря, снабдив его документами, что он помогал французскому Сопротивлению.

Возвращение

Диму с объяснительной запиской передали представителю советского посольства во Франции. В августе 1944 года Дима возвращался в Союз с английским караваном, который шел в Мурманск. На траверсе мыса Киркенес конвой встретил советские корабли. Представленный командиру советского конвоя Дмитрий остался на флагманском корабле. В кают-компании рассказывал о своей эпопее. Капитан 2-го ранга – симпатичный офицер с маленькими усиками и большими залысинами – сказал: «Мы ценим и уважаем свободолюбивых французов и преклоняемся перед мужеством и отвагой бойцов французского Сопротивления, но будет лучше, если мы тебя переоденем в форму советского моряка, а эту оставишь на память. Пришло время служить и тебе. Оставайся на нашем корабле. Мы сохраним твое сержантское звание бойца итальянского Сопротивления». Дима попросил разрешения хоть на денек съездить домой. Ведь там даже не знают, жив ли он. По прибытии в Мурманск Диме дали отпуск на месяц.

Утром 1 сентября старшина 1-й статьи Дмитрий Перепелкин стоял на пороге школы. До дома оставался всего километр, но Дима не мог не зайти в родную школу. Во дворе перед школьниками стояли директор и учителя. Дима подошел строевым шагом и доложил: «Товарищ директор школы,

ученик девятого класса Дмитрий Перепелкин прибыл для продолжения учебы». Учителя и ученики удивленно смотрели на ладного моряка. Дима доложил и опешил: ни среди учителей, ни среди учеников никто его не узнавал, только старенькая учительница географии, сгорбленная, седая Мария Исааковна, признала Диму. Всплеснула руками, обхватила его и заплакала: «Это Дима Перепелкин, а мы считали, что тебя нет в живых. Был ли у матери? Беги скорей к ней. Она каждое утро приходит на росстань встречать тебя. Потом придешь в школу. У нас после занятий педсовет, расскажешь о себе и о ребятах, которых с тобой угнали».

Дима бросился домой. Облокотившись на калитку, приложив ладонь к глазам, на дорогу смотрела мать. Дима перебросил вещмешок через изгородь, перемахнул через калитку, обхватил мать, стал целовать ее лицо, руки. Мать опустилась на колени, прижалась к ногам сына и шептала: «Димочка, родной мой, как долго ты не приходил, сердце мое выболело по тебе». Дима стал расспрашивать: где отец, братья, сестра? Мать сообщала: отец воевал под Вязьмой, попал в плен, бежал, был в партизанском отряде у поляков, погиб осенью 1943 года, неделю назад пришел пакет из Польши, где сообщалось о его подвигах и о награждении польским крестом. Братья и сестра, слава Богу, живы. Обоих братьев после освобождения от немцев взяли на учебу в ремесленное училище, теперь они работают в городе на военном заводе, по выходным приезжают домой. Сестра вышла замуж за

офицера, лежал тут в госпитале. Уехали на Дальний Восток.

Месяц прошел как один день. Гулять было некогда. Раза два заходил в школу. Старых учителей осталось только двое, некоторые уехали. Учителя математики фашисты повесили за связи с партизанами. Молодых учителей-комсомольцев отправили в концлагерь, что с ними стало – пока никто не знает. За три года дом покосился – нижние бревна подгнили. Плетень завалился, а дальние звенья его сожгли в печи. Дима нашел в соседнем селе дядю – маминого брата. Вдвоем подрубили два ряда под домом. По воскресеньям помогали приезжавшие из города братья. Срубили новую баньку, поправили огород. Вечерами Дима садился на лавочку перед домом. Тельняшка плотно облегала широкую грудь. Собиралась молодежь. Водили хороводы. Кто постарше – пели песни под трехрядку. Дима подробно рассказывал обо всем, что случилось с ним за эти годы. Потом извинялся: «Завтра рано вставать. Вы гуляйте, а я пойду посплю, устал за день сильно».

В начале октября 1944 года старшина 1-й статьи Дмитрий Перепелкин прибыл в Мурманск на свой эсминец. Сопровождал караваны, участвовал в охоте на немецкие подводные лодки. Через три месяца Дима был классным специалистом дизельной группы.

Друзья

В день десятилетия Победы над фашистской Германией к Дмитрию приехал Жак с женой и дочерьми-невестами. Пригласили в сельский клуб. Жак надел французские ордена. Дмитрий, в звании главстаршины, пришел в морской форме с медалями «За отвагу» и французского Сопротивления. Он работал военруком в школе. Жена – фельдшерица Зина – родила ему двух лобастых, белоголовых мальчуганов.

Жак погостил неделю: воспоминания, воспоминания... Каждый день ездил в районный центр, выступал перед студентами техникумов, школьниками, рабочими... Дни и часы были расписаны по минутам.

Дмитрий с женой смог посетить Францию только тогда, когда отмечали сорокалетие Победы над фашизмом. Надел сохранившуюся французскую форму, но она оказалась тесновата. Муниципалитет Гренобля заказал ему новую форму, но с тельняшкой Дмитрий не расставался.

В поселках и городах Франции аплодировали двум седым бойцам Сопротивления.

Взлетная полоса

Беда

21 июня 1941 года командир полка зачитал приказ о перебазировании 2306-го полка на запасной аэродром. Личный состав переучивался на новые самолеты, а старые приказали законсервировать и готовить к перегону на центральную базу. Шла интенсивная переподготовка летчиков и техников. Инженерно-технический состав эскадрильями проходил обучение в Васильково, под Киевом. На одной стороне взлетной полосы стояли старые самолеты, на другой – две эскадрильи новеньких «Миг-3», готовых к перелету на запасной аэродром.

Перед рассветом старший инженер полка майор Воскресенский, в годах, поджарый, невысокий, в очках, с покрасневшими от усталости глазами, прошелся вдоль аккуратненьких, пахнувших краской самолетов. Дежурные техники звеньев доложили о готовности самолетов к перелету. Майор Воскресенский, напомнив о соблюдении мер безопасности при обращении с бензином, кислородом и сжатым воздухом, уехал в военный городок.

Накануне – в субботу – холостые летчики и техники отгуляли на вечере отдыха в гарнизонном Доме офицеров и теперь крепко спали в общежитии. Разбудил глухой гул и покачивание земли. Выбежав из общежития, офицеры увидели страшную картину. В небе гудели чужие самолеты с кре-

стами на крыльях. На городок сыпались бомбы. Было видно, как над аэродромом взлетали огненные вихри.

Николай Пятерко, с перепуганным лицом, в тапочках, галифе, с голым мускулистым торсом, с планшетом в руках, мчался на аэродром. Пара за парой заходили вдоль взлетной полосы «мессершмитты», расстреливая самолеты, которые вспыхивали факелами. Море огня бушевало над аэродромом. Горела колонна бензовозов, стоявшая за аэродромом.

Николай добежал до стоянки своего самолета, но увидел лишь искореженный, обгоревший остов машины. Побежал через взлетную полосу к штабу полка. Двухэтажное здание было разрушено. На месте левой половины зияла глубокая воронка. В правом крыле вылетели окна. В комнату дежурного по части забежали офицеры и разбирали оружие. Пятерко заскочил в дежурку, нашел свой пистолет, набил в карманы галифе коробки с патронами и только тогда сообразил, что он полураздетый.

Кто-то сообщил, что дом, где жили командир полка и начальник штаба, разрушен. Заместитель командира полка по летной подготовке подполковник Середа, не останавливаясь, бегал около штаба, наконец пришел в себя и подал команду: «Семейным – по домам, спасти семьи, а холостякам в казармы, к личному составу своих эскадрилий».

В военном городке техники и солдаты аэродромной роты под командованием старшего инженера полка майора

Воскресенского расчищали завалы. Пятерко быстро дошел до офицерского общежития. Деревянное здание общежития догорало. Тушить было некому. Пожарные машины были на аэродроме, пробовали спасти горящие самолеты. Казарма личного состава от прямого попадания была разрушена полностью. В живых остались единицы, и то контуженные и раненые. Военный городок был в огне. Женщины искали своих детей, дети искали родителей. В оставшихся служебных помещениях организовывали лазарет. Подъехал на мотоцикле майор Воскресенский. Рассказал, что в эту ночь было тревожно, не спалось. Несколько раз выходил на улицу покурить и первым услышал гул самолетов и разрывы бомб. Успел забежать в квартиру, разбудить жену и дочь, вскочил на мотоцикл и помчался на аэродром. Следующая волна самолетов накрыла городок.

Солнце медленно вставало из-за горизонта. Подполковник Середа, не скрывая волнения, обратился к офицерам: «Обстановка чрезвычайная. Надо принимать меры по спасению людей и оставшегося имущества. Передаю командование гарнизоном майору Воскресенскому. У него получится лучше, чем у меня. Я научен только руководить полетами». Майор Воскресенский согласился: «Раз сложилась такая ситуация, согласен принять руководство. Вам, товарищ подполковник, собрать летный состав и построить здесь через час. Командиру аэродромной роты приступить к исполнению обязанностей командира батальона авиационно-тех-

нического обслуживания. Разыскать заведующих складами – и ко мне. В десять часов общее построение. Передать в летную и техническую столовые, чтобы готовили завтрак». Нашлись начальники продовольственной и вещевого службы лейтенанты Неделько и Сапожников, они доложили, что расположенные в полуземлянках за аэродромом вещевые и продовольственные склады не пострадали. Фашистские самолеты наносили основной удар по взлетной полосе и военному городку.

Связь с дивизией и округом не работала. Пробовали связаться по радио, но частоты были забиты, стоял сплошной треск. Майор Воскресенский на своем мотоцикле отправил в штаб дивизии связного. Отдал указание накормить сначала летно-технический состав, затем солдат и семьи военнослужащих.

В десять часов построились эскадрильями. В первой эскадрилье было два техника, один летчик, шесть механиков, во второй – шесть летчиков, шесть техников и одиннадцать младших авиационных специалистов. Третья эскадрилья была почти в полном составе. Личный состав отдельного батальона авиационно-технического обслуживания (ОБАТО) был представлен караулом и сокращенным расчетом, остальные еще неделю назад выехали для подготовки запасного аэродрома. Офицеры и солдаты стояли в строю кто в чем успел выскочить. Майор Воскресенский приказал открыть вещевые склады и одеть офицеров, солдат, семьи офицеров

и вольнонаемных, кроме того, семьям выдать постельное белье.

В середине дня вернулся связной из дивизии и передал приказ: «Летчиков отправить в штаб армии, аэродром привести в порядок и быть готовыми к принятию самолетов. Подполковнику Серее оставаться для организации встречи самолетов, старшему лейтенанту Пятерко приступить к исполнению обязанностей начальника штаба».

Майор Воскресенский через посыльных передал: в 16.00 построение личного состава гарнизона по эскадрильям и подразделениям, с семьями. На построении объявил: «Все семьи эвакуируются в тыл, транспорт для этого есть, брать с собой только самое необходимое. Одиноких женщин, работников столовых, складов и медсанчасти объявляю мобилизованными. Исполняющим обязанности командиров эскадрилий поставить палатки в своих самолетных укрытиях. Назначить дежурных. Остальные поступают в распоряжение командира ОБАТО старшего лейтенанта Субботина на восстановление аэродрома. Командиру ОБАТО определить объем работ, обустроиться и завтра с 8.00 приступить к засыпке и выравниванию взлетной полосы. Работать до заката солнца, с перерывом на обед и ужин. Срок – три дня. Задача ясна? Прошу приступить к выполнению приказа. Контролирую лично».

В конце аэродрома на капонире соорудили смотровую вышку, рядом вырыли широкий окоп, стенки его укрепили

щитами, сверху накатали два ряда бревен, засыпали землей – и командный пункт готов. В капонире поставили палатку, привезли кровати.

С утра работа на аэродроме шла полным ходом: машины подвозили щебенку, засыпали воронки, утрамбовывали, а потом и укатывали. Через ближайшую военную часть установили связь со штабом воздушной армии.

Десант

На второй день над аэродромом зависла «рама» (немецкий самолет-разведчик). Но работы продолжались. Одна за другой засыпались воронки. Майор Воскресенский доложил в штаб армии, что через сутки аэродром будет готов, но не получилось бы так, что на него будут приземляться не наши, а фашистские самолеты. Приказали быть готовыми к отражению десанта.

За каждой эскадрильей закрепили участок обороны. Рыли окопы на склонах капониров, определяли сектора обстрела. Завозили боеприпасы, снимали с самолетов пулеметы, ремонтировали и пристреливали. На складе вооружения обнаружили комплект пулеметов на две эскадрильи. Расконсервировали. Патронов к ним было предостаточно. В каждом окопе было по два-три пулемета, громоздились ящики с патронами, по углам окопов стояли винтовки. Офицеры, сержанты, солдаты были вооружены пистолетами на случай ближнего боя. Сухой паек на трое суток и пара канистр воды. Створ взлетной полосы заняла аэродромная рота.

28 июня, в субботу, майор Воскресенский приказал: «Всем ночевать в блиндажах. Быть начеку. Немцы могут повторить 22 июня». В командном блиндаже собрались майор Воскресенский, подполковник Середа, командир ОБАТО старший лейтенант Субботин, прибыли командиры обо-

ронительных участков: первой эскадрильи – Пятерко, второй эскадрильи – старший техник звена Понедельник, третьей – техник по вооружению Четвертак. Подполковник Середа засмеялся: «Неделя» в сборе, а где «вторник» и «пятница»?». Воскресенский, улыбаясь, ответил: «Не только «вторника», но и Неделько не хватает, который занимается производственным обеспечением нашего малого гарнизона, а за «пятницу» будет Пятерко». Николай Пятерко подхватил: «Не согласен быть Пятницей, тогда подавайте мне Робинзона». Иван Субботин вставил: «Все мы тут сейчас Робинзоны, оторванные от белого света и предоставленные самим себе. Будем держаться!». Майор Воскресенский спросил, проведены ли учебные стрельбы по движущимся целям. Лейтенант Субботин ответил: «Разве вы не слышали, весь день стреляли по воронам и по развешанным в кустах банкам. Мы тут проявили инициативу: по кустам в несколько рядов развесили пустые консервные банки, это на случай, если немцы сунутся ночью – чтобы слышно было». Подполковник Середа одернул: «Ну и дурни вы, банки-то ночью хорошо видны». На что Субботин отреагировал: «Вы что думаете, мы совсем того? Прежде чем развесить, покрасили зеленой и черной незасыхающей краской». – «Ну что, товарищи, обменялись мнениями? – прервал перепалку майор Воскресенский. – Инициатива и смекалка – это хорошо, на войне без нее гибель. Напишите письма родным, через час отправляю посыльного в штаб дивизии. Днем по дорогам не про-

едешь, немецкие самолеты охотятся за каждым человеком. За неделю фашисты продвинулись на двести, а местами и более километров. В войне фактор внезапности имеет огромное значение. Мы испытали это на себе. От боевого слётанного полка осталась горстка офицеров и солдат. Будем драться до последнего патрона. Отступать нам некуда».

Намотавшись за день, Воскресенский прилег на куртку в углу блиндажа и провалился в глубокий сон... Как будто кто-то его толкнул – вскочил. Восток брезжил. Взял свисток – подал сигнал. Из соседних капониров ответили переливы свистков – часовые не спали. Посмотрел на запад и в небе под облаками увидел падающие черные точки. «Десант!». Выпустил красную ракету и ударил в висевший рельс. Со всех сторон аэродрома в воздух полетели красные ракеты, зазвенело железо. Нетерпеливые начали стрельбу из винтовок. Самолеты летели на большой высоте, и шума моторов не было слышно. А черные точки сыпались и сыпались с неба. За винтовками застрочили пулеметы. Огонь по фашистам шел из всех окопов. Немцы вели ответный огонь. Сверху они могли ориентироваться только по вспышкам выстрелов. Окопы были хорошо замаскированы. В предрассветном небе фашисты были как на блюдечке. С земли стреляли зажигательными, и парашюты вспыхивали. Немцы с воплями падали на землю. Оставшиеся в живых отстегивали парашюты и разбегались по мелколесью, но многих настигали пулеметные очереди.

Рассвело. В воздухе повисла зеленая ракета. Майор Воскресенский передал: «Из окопов не высовываться, немцы могут затаиться в кустах». Багровое солнце поднималось над аэродромом. Люди не выдержали радости первой победы, выскакивали из окопов и палили в воздух: уничтожение десанта было отмщением за погибших в первые дни товарищей. Воскресенский приказал прочесать ближайшие кусты. Подобрали двух раненых и семьдесят два убитых немца. Остальные ушли в лес. Наши потери – тяжелораненый из аэродромной роты.

Пленные сообщили, что, по агентурным данным, на аэродром в ближайшие дни должен прилететь с Дальнего Востока истребительный полк. Десанту была поставлена задача захватить аэродром и удерживать до подхода основных сил: немецкие танковые колонны прорвали оборону и вклинились вглубь страны на этом направлении до двухсот километров.

И снова бой

Майор Воскресенский понимал, что фашисты любыми путями будут стараться захватить аэродром, расположение которого было очень удобным: с него можно контролировать огромную территорию и прикрывать наступающую танковую армию. Вечером собрал командиров. Приказал пополнить боезапас и перевести личный состав, оставшийся от полка и ОБАТО, в окопы, кроме работников столовой и медсанчасти.

В понедельник, в десять утра, начался массированный налет вражеской авиации. Ни одна бомба не упала на взлетную полосу. Удар наносился по капонирам и окопам обороняющихся. Земля стонала, осыпалась обваловка самолетных укрытий. Рядом с командным блиндажом упала 500-килограммовая бомба. Блиндаж засыпало. В окопе с майором Воскресенским находились подполковник Середа и посыльный. Воскресенского присыпало. Отгребая от себя землю подвернувшейся алюминиевой тарелкой, он видел, как пара за парой заходили на аэродром немецкие самолеты, а в створе взлетной полосы, на расстоянии около километра, были видны парашюты десанта. Расчет немцев был прост: пока шла бомбежка и русские прятались в окопах, вне огня приземлиться, сосредоточиться и захватить капониры справа и слева от взлетной полосы. Когда парашютисты призем-

лились и перебежками стали приближаться к аэродрому, по ним открыли огонь.

К Воскресенскому подполз старший лейтенант Пятерко и саперной лопаткой стал освобождать его от земли. Воскресенский, у которого кружилась голова, не было слуха, пропал голос, нацарапал на планшете: «Откапывайте, там подполковник Середа». Как в немом кино, он видел передвигающихся немецких десантников и отходящих от первых капо-ниров наших бойцов. Сердце готово было вырваться из грудной клетки. Он впервые в жизни заплакал от своего бессилия: «Почему отступают? Там же остаются раненые, немцы их перебьют».

Более двух часов шел бой. Над аэродромом снова появились немецкие самолеты. Пролетали на бреющем, но, видя, что идет бой, бомбить не стали. Десантники рассчитывали на легкую победу, предполагая, что после такой бомбежки мало кто мог остаться в живых. В небе появились еще два пузатых десантных самолета, и начали выбрасываться парашютисты. В это время из-за тучки вынырнули два краснозвездных «ястребка» и атаковали. Один немецкий самолет развалился в воздухе, второй, переваливаясь с крыла на крыло, врезался в землю. Мощный взрыв потряс аэродром. «Ястребки» пролетели низко над взлетной полосой. В воздух взвились зеленые ракеты, обозначая расположение наших окопов. Со второго захода «ястребки» стали расстреливать из пулеметов немецких десантников. Немцы начали отходить. Наши с

криками «ура!» бросились преследовать их.

К Воскресенскому вернулась речь, он попросил Пятерко передать, чтобы вернулись в окопы – могут нарваться на засаду, и вели прицельный огонь по противнику из пулеметов и винтовок.

Немцы отошли к лесу. Майор Воскресенский приказал: «Восстановить окопы, раненых отправить в лазарет, убитых похоронить в карьере, подсчитать потери, проверить боезапас. Командирам или исполняющим их обязанности собраться около командного пункта».

Больше всех пострадала аэродромная рота. Убит командир роты Иван Субботин. В роте осталось двенадцать человек. В первой эскадрилье убит один механик и тяжело ранен техник, во второй убитых нет, а раненых четверо, в третьей убито два техника и старший техник звена Гаврило Понедельник. Откопали подполковника Середу, но он был уже мертв. Во втором бою погибло сорок семь человек, в основном от бомбежки.

Оборона

Майор Воскресенский попросил остаться на командном пункте старшего лейтенанта Пятерко и горько пошутил: «Вот и остался Пятница со своим Робинзоном. Поинтересовался: «А где наши тыловики Неделько и Сапожников?». Начальника вещевого службы Сапожникова не нашли. Неделько подъехал на машине, слез, опираясь на суковатую палку, пояснил: «Маленько зацепило, ничего, до свадьбы заживет». На просьбу Воскресенского доложить о наличии в ОБАТО людей, запасов продовольствия и транспортных средств Неделько сообщил: «В батальоне осталось одиннадцать человек, десятка два наберется на запасном аэродроме, четыре автомобиля, пятитонный кран и каток, запасов продовольствия хватит на два месяца. Будет проблема с доставкой хлеба, но есть передвижная хлебопекарня, закупленная перед войной в Германии».

По радиосвязи получили приказ из штаба армии: аэродром не оставлять, готовиться к приему самолетов. Прошла неделя. Фашисты больше не беспокоили.

Стали обживать и зарывать в обваловку капониров. Восстановили командный пункт. Стенки окопов обложили плахами, сверху накатали по три ряда бревен. Установили телефонную связь со всеми боевыми точками.

Каждый вечер после ужина на командном пункте соби-

рались исполняющие обязанности командиров эскадрилий и командир ОБАТО Неделько. Воскресенский с болью шутил: «Плохо, товарищ Неделько, от нашей «недельки» только мы с тобой остались. Своим заместителем назначаю старшего лейтенанта Пятерко». Столовая продолжала работать. Три раза в день дежурная машина привозила на позиции горячую пищу в термосах.

Как-то майор Воскресенский посетовал: «Плохо, что мы не имеем сведений о личном составе, штаб разрушен, документация сгорела. Нужно собрать людей, переписать их данные и домашние адреса, пусть обменяются ими на случай гибели, чтобы сообщить родным и близким. Да и мы давайте расскажем друг другу о себе».

Начал старший лейтенант Николай Пятерко: «Товарищи, мне больше всех повезло, после летного училища, можно считать, попал служить в родное село. Отсюда всего пятьдесят километров. Если не дежурил, то каждое воскресенье отправлялся домой. Командир эскадрильи и ребята отпускали охотно, потому что каждый раз привозил какие-нибудь гостинцы. В селе летчиков уважали и ценили. Жену на соседней улице высмотрел. Сыну уже четыре года. Славно жилось до войны, ой как весело. По выходным с сыном барахтались в заводях реки, которая протекала посередине села. Сынишка каждый раз удивлял меня любовью ко всему живому: то таскал в пригоршне головастиков, просил: «Папочка, забередем их домой, пусть живут в бочке за сараем», то приносил

стрекозу и уговаривал: «Папа, сделаем ей домик», то бежал с охапкой цветов и ликовал: «Папочка, пусть мама посадит их под окнами». Сын любил забираться мне на плечи и прыгать в воду. Я тут же его вылавливал. Жена Мария сидела на берегу и радовалась за нас. А после такой прогулки – к обеду горячие ватрушки с топленым молоком из погреба».

Воскресенский Георгий Васильевич: «Я житель городской. Подмосковье. Подольск. Городок небольшой. Ровесник Москвы. Двух-, трехэтажные дома только в центре, а на окраинах по улицам пасутся коровы. Тихий, спокойный городок. Сколько себя помню, порой кажется, что родился под крылом самолета. Отец был летчик, с капитаном Нестеровым дружил. Отец с малолетства таскал меня на аэродром. Домик у нас с верандой, в яблоневоm саду. Весной цветущие ветки сирени упирались в окна. Летом у нас обязательно кто-нибудь из полка гостил – уезжали одни, приезжали другие. Под яблонями ставили раскладушки, а сверху натягивали тент. Вечерами самовар и общее застолье. До полуночи распевали песни. Рано утром босиком по росе на речку умываться. После обеда отсыпались в тени под деревьями. Благодать. Запах роз и антоновки. Придет ли еще такое время? Дети мои – погодки. Сын окончил десять классов нашей гарнизонной школы. Отличник. Собирался поступать в МАИ. Дочка хотела быть только врачом. Квартира наша больше походила на лазарет, и кого только в нем не было: и бесхвостый котенок, и овчарка на трех ногах, и ворона с перебитым кры-

лом, и слепой заяц. Весной взял два списанных контейнера и установил во дворе школы – под зооуголок, пусть занимают-ся зверятами детишки под руководством дочери. Будет сострадание к живой природе – будет оно и к людям».

Иван Неделько: «А я родился и вырос под Хабаровском, в селе князя Волконского – ссыльного декабриста. Амур – простор широчайший, такая сила у реки, что за ночь песчаный остров может появиться, или исчезнуть, или передвинуться километра на два вниз по течению. Весной река наполнена рыбой, которая идет на нерест в малые речки, где вода более чистая и богатая кислородом. Одна беда – мошкара и гнус не дают покоя, пролазят во все щели. Без накомарника у речки не посидишь. Зато осень – действительно золотая. Лес полон богатства: грибы, всякая ягода, смородина, дикий виноград, лимонник, орех – лещина и кедровый... Не ленись – запасайся на зиму. Осенью отъевшиеся за лето кабаны ходят вразвалочку, амурские олени за каждым кустом, зайцы под ногами путаются, белка может поиграться с тобой шишками. В седьмом классе я влюбился в соседскую девчушку, которая училась в торговом техникуме. Хотелось видеть ее чаще – поступил в торговый. Она окончила на год раньше и по распределению попала в Советскую Гавань. Договорились, что после моего окончания поженимся. После выпускного собрался ехать за ней, но пришло письмо, что выходит замуж. Подумал, что это розыгрыш, но родители передали, что ездили на свадьбу, что жених понравился – мо-

ряк, офицер, большой начальник на корабле, квартиру сразу дали. Я побежал в военкомат. Напросился в армию, хотя мог еще годик попарубковать. Еле уговорил военкома. После года службы в отделе кадров дивизии узнали, что у меня среднетехническое торговое образование, и предложили поехать учиться в военное училище по специальности. С прошлой осени – в этом полку. Мне тут очень нравилось».

Танковая атака

На четырнадцатый день после первого налета фашистской авиации связь с дивизией и армией прервалась. По радиоприемнику шла информация, что немцы где-то в двухстах километрах. Через двое суток на машине с запасного аэродрома прибыл старшина Скрипка и сообщил, что из соседнего села прискакал на лошади парнишка и рассказал, что через село прошла колонна фашистских танков и немцы захватили ближайшую железнодорожную станцию. Воскресенский понял, что они окружены, но приказа оставить аэродром не было, значит, будем оборонять, не всё же немцы будут наступать. Подумал: у нас мощная, боеспособная Красная Армия, и мы скоро погоним захватчиков с нашей земли. Собрал командиров и приказал готовиться к длительной обороне. На оставшихся машинах отправить раненых. Старшине автороты Остюжному, который знал тут каждую тропинку, поручил проселочными дорогами вывезти раненых из окружения.

На аэродром стали выходить группы солдат, сообщая, что впереди фронт прорван, многие части попали в окружение. Майор Воскресенский кормил окруженцев, одевал в новое обмундирование, давал сухой паек на дорогу, предлагал остаться. Но люди рвались на восток, к своим. Осталось с десяток окруженцев, территория которых уже была оккупиро-

рована фашистами.

На двадцать первый день появилась группа мотоциклистов с белым флагом. Воскресенский приказал огня не открывать и послал старшего лейтенанта Пятерко узнать, чего хотят немцы. Те предложили освободить аэродром и сдать оружие, обещали, что бомбить не будут. «Если эти условия не примите, то развернем танковую дивизию прорыва и протюжим вас в окопах».

По возвращении старшего лейтенанта Воскресенский собрал командиров, доложил требования немцев и высказал свои предложения: «Оккупантам очень нужен наш аэродром, чтобы посадить свои самолеты и отсюда вылетать на бомбежку и штурмовку наших городов, поселков и обороняющихся частей. Если мы бесславно сдадимся, значит, поможем фашистам уничтожать то, что создано нами. К тому же, где гарантия, что после пленения они нас не расстреляют. Есть второй вариант: ночью покинуть позиции и небольшими группами прорываться к своим. Но и здесь палка о двух концах: прорвемся ли, можем попасть на засады, а если и прорвемся, то как будем смотреть в глаза людям? Скажут, сдрейфили, без приказа оставили позиции. Кто мы тогда – предатели? Довожу до сведения третий вариант – наиболее приемлемый и справедливый. Наши войска дерутся с захватчиками от Баренцева до Черного моря. Бьются за каждый клочок земли. Многие гибнут, но чести своей не роняют. Предлагаю сражаться до последнего патрона и вдоха.

Пусть фашисты знают, что советские люди не сдаются. Кто желает – может покинуть позиции». Старший лейтенант Пятерко: «Будем считать – это приказ: сражаться до последнего. Что передать немцам?» – «Попросите сутки для подготовки аэродрома к сдаче».

К Воскресенскому подошел старшина Скрипка и попросил сутки, чтобы переправить семью к родственникам, в соседнюю деревню. «Немцы узнают, что я был секретарем партийной организации ОБАТО – семью загубят. Доходят слухи, что фашисты уничтожают семьи партийных и советских работников».

После возвращения Пятерко Воскресенский обратился к однополчанам: «Дорогие мои, у нас есть сутки, чтобы достойно встретить немецкие танки. Приказываю привезти со склада гранаты, связать их по пять штук для подрыва танков. Авиационные бомбы закопать на танкоопасных направлениях, подвести к взрывателям провода от телефонных аппаратов. Технику по вооружению лейтенанту Четвертаку продумать систему подрыва. Товарищ Четвертак, можете доложить, сколько в наличии авиационных бомб?» – «По три боекомплекта «соток» и по два – по двести пятьдесят. Итого 240 «соток» и 80 по 250 кг. Телефонных аппаратов сорок один, но недостает телефонного кабеля. Придется приспособить самолетную электропроводку». – «Было бы здорово выкопать противотанковый ров в створе взлетной полосы, но нас мало, дай Бог, если успеем закопать и замаскиро-

вать 320 фугасов. Есть предложение устанавливать не только на танкоопасных направлениях, но и вокруг капониров. Будем поднимать фашистов на воздух, если пойдут в лобовую». До заката Воскресенский ни на минуту не присаживался – контролировал установку авиабомб. Ночью, проверив посты, вздремнул не более получаса.

В восемь утра услышали гудение танков. Танковая колонна с десантом на броне разделилась на две части и начала охватывать аэродром слева и справа. Танки открыли огонь по капонирам. Снаряды взрывались вблизи укрытий – фактически велся прицельный огонь.

Воскресенский понял, что вчерашние переговоры были для фашистов разведкой: «Поэтому они и не спешили уезжать, а терпеливо ждали ответа, но и нас надоумили использовать авиационные бомбы и дали возможность их установить. Немцы, предполагая, что у нас только стрелковое оружие, надеялись, что после вчерашнего предупреждения о применении танков мы покинем позиции».

Как только первый танк поравнялся с контрольной вешкой, раздался взрыв. Танк приподняло и отбросило в сторону, за ним второй, третий... десятый. Одиннадцать искореженных машин застыло вдоль взлетной полосы. Авиаторы из пулеметов вели огонь по десанту. Немцы стали отходить.

Но спустя некоторое время атака возобновилась. Танки расползлись полукругом и, сминая кустарник, двинулись к капонирам: немцы догадались, что заряды выставлены по-

дукругом и между ними можно найти проходы. Обстановка усложнялась. Под огнем танков и немецкой пехоты надо было переподключать провода к зарядам. И хотя подорвалось еще четыре танка, но другие прорвались сквозь пояс защиты и с близкого расстояния вели огонь по укрытиям. Появились убитые и раненые. Один из танков стал утюжить огневую точку. Раздался страшной силы взрыв, и машина сплюснутым куском металла закувыркалась по откосу вниз. Но танки продолжали лезть на капониры и взрывались один за другим вместе с оборонявшимися расчетами.

Воскресенский, видя, как гибнут люди, решил: «Кусочек родной земли, где сконцентрирована воля к победе, скоро некому будет оборонять, но и сдавать готовую к посадке взлетную полосу нельзя». Приказал старшему лейтенанту Пятерко взорвать десять бомб в створе и сорок – вдоль взлетной полосы... Земля качнулась, огненный вал поднялся над взлетной полосой, и сотни тонн земли накрыли ее, но в створе взрыва не было, видимо, перебило где-то провода.

Пятерко кричал контуженному Воскресенскому: «Я быстро устраню неисправность и вернусь». С телефонным аппаратом и мотком провода побежал в конец полосы. И только у самого створа обнаружил обрыв. Раздумывать было некогда. Подсоединил напрямую к аппарату и крутанул ручку...

Бой продолжался. Майор Воскресенский видел, как оседает земля и засыпает его, но сил дотянуться до телефонного аппарата не было. Теряя сознание, подумал: «Хорошо,

что мы тут остались, задержали немецкую колонну прорыва. Три десятка танков, искореженных и обгоревших, осталось по периметру взлетной полосы и на скатах капониров, больше сотни фашистских десантников лежат на склонах обваловок. Рассчитались за всех погибших товарищей».

На закате оккупанты уходили, вытаскивая из танков контуженных и обгоревших. В конце аэродрома забелел лес березовых крестов. Аэродромные постройки уничтожены. Взлетная полоса к приему самолетов не пригодна. Да, русские умеют и могут воевать.

...Перед рассветом вернулся старшина Скрипка. Аэродром было не узнать: засыпанная землей взлетная полоса, обвалившиеся капониры, всюду обгоревшие и покореженные немецкие танки. Взорванные узлы сопротивления и засыпанные окопы. Хоронить было некого. Нашел командный пункт. Стал раскапывать. Наткнулся на майора Воскресенского. Проверил пульс. Жизнь теплилась. Старшина Скрипка, двухметрового роста, чемпион округа по вольной борьбе, охотник, взвалил худенького майора на плечи и понес в сторону леса. В глухом лесу, за болотиной была охотничья избушка, о которой знали только он и его тесть.

В избушке Скрипка уложил майора на топчан, нагрел воды, обмыл от грязи. Воскресенский пришел в сознание. Говорил с трудом, слышал, видел, понимал, но ноги не действовали. Отлежавшись, Воскресенский подозвал старшину: «Ну что, товарищ старшина, как видишь, в третий раз я родился.

Будем разыскивать наших, создадим партизанский отряд и продолжим борьбу с фашистами».

В небе над Орлом

171-й истребительный авиационный полк базировался под городом Елец. Командование полка; командир – подполковник Орляхин С.Н., начальник штаба – майор Жаворонков А.В., старший инженер – майор Кириллов Н.И., штурман – капитан Шевцов А.Г., командир первой авиационной эскадрильи – капитан Вишняков И.А., второй эскадрильи – капитан Старцев Г.Н., третьей эскадрильи – капитан Трубенко Г.В.

Всю зиму и весну 1943 года шла напряженная работа. Личный состав переучивался на новый тип самолетов – «Ла-5».

Первого июля в полк прибыла делегация из Тулы с новым знаменем и с Грамотой Президиума Верховного Совета СССР о почетном наименовании полка – Тульский.

В первых числах июля 1943 года немцы начали наступление в районе Курской дуги – с севера и с юга.

С шестого июля полк, сопровождая наши штурмовики, вел активные боевые действия. В этих боях отличились летчики второй эскадрильи капитана Старцева.

Тринадцатого июля началось наступление советских войск из района Новосиль. Летчики полка прикрывали наступление. Первую половину дня боевые действия вели вторая и третья эскадрильи. Командир полка подполковник

Орляхин с четырех утра был на ногах. Руководил боем. Под маскировочной сеткой стояли две радиостанции: одна – для связи с самолетами, вторая – общевойсковая связь. На сдвинутых столах разложен планшет воздушной обстановки. Штабные офицеры передвигали флажки, указывающие на местоположение самолетов – своих и противника, замеряли расстояние, рассчитывали подлетное до целей время.

К середине дня обстановка обострилась. Армады немецких бомбардировщиков группами по 20 – 30 самолетов стремились прорваться к советским войскам и помешать развитию наступления. Группа, возглавляемая капитаном Шевцовым, поднялась в воздух шестой раз, за предыдущие вылеты сбили четыре бомбардировщика и четыре истребителя противника. Через десять минут после взлета капитан Шевцов доложил, что видит группу бомбардировщиков «Ю-87» и «Ю-88» – около 20 самолетов под прикрытием восьми истребителей «Ме-109». В воздухе сплошная карусель: выше, ниже, справа и слева идут воздушные бои. Небо забито самолетами – нашими и противника. «Прошу помощи».

Орляхин дал команду: «Поднять в воздух эскадрилью капитана Вишнякова и звено управления. Группу буду возглавлять я – Орляхин». При подходе к группе Шевцова, которая вела бой, Орляхин увидел впереди справа и выше две группы бомбардировщиков «Ю-88» и «Ю-87» и восемь истребителей сопровождения «ФВ-190». Орляхин приказал: «Звену Ивлева связать боем немецкие истребители. Звено Вишня-

кова атакует первую группу, вторую группу атакую я – Орляхин». С первой же атаки четыре самолета противника факелами упали на землю. Капитан Ивлев доложу что два истребителя противника сбиты, но старший лейтенант Григорьев вынужден выйти из боя – пробито несколько цилиндров мотора.

Орляхин связался с группой, возглавляемой Шевцовым, и приказал звено капитана Гончарова направить на помощь капитану Ивлеву. Летчики звена капитана Ивлева сумели навязать противнику бои на вертикалях и сбили еще два самолета, остальные самолеты врага покинули поле боя. Подоспевшая группа капитана Шевцова врезалась во вторую волну бомбардировщиков, с которой вел бой Орляхин, – еще два стервятника были сбиты. Подполковник Орляхин дал команду всем возвращаться на аэродром. Боезапас был израсходован и топливо на исходе. Сверху Орляхин видел горящий Орел. Дым расстилался на десятки километров, столбы пыли и гари поднимались на высоту до трех километров. У Орляхина шумело в голове, плохо слушались руки. Сказывалось нервное напряжение и невероятные физические нагрузки последних дней.

После посадки Орляхин направился на командный пункт. Начальник штаба полка майор Жаворонков доложил об итогах боя: сбито 12 самолетов противника, свои потери – сбит самолет старшего лейтенанта Голика. Командир звена доложил, что видел, как горящий самолет ушел в сторону Орла.

Официантка предложила обед. Командир полка выпил два стакана компота, а от обеда отказался. Усталость сковала тело, годы напоминали о себе – было за сорок.

Позвонил командир дивизии полковник Литвинов В.Я., похвалил за успешные действия полка, но и поругал за то, что Орляхин бросился в бой сам и оставил руководство боем. Командир полка ответил: «А я и руководил боем: когда я был в воздухе, все самолеты полка вели бой».

Орляхин убедился, что большими группами самолетов в такой воздушной кутерьме управлять трудно. Принял решение самолеты в воздух поднимать шестерками – звено для боя с бомбардировщиками и пару на прикрытие. Вишняков возглавил первую шестерку, Гончаров – вторую, Соболев – третью и Шевцов – четвертую. И снова: взлет, бой, посадка, заправка, пополнение боезапаса, взлет... – и так до захода солнца. К вечеру напряжение боя спало.

Немцы отправляли на бомбометание небольшие группы бомбардировщиков под усиленным прикрытием истребителей. Летчики трех полков, базировавшихся на аэродроме, в течение дня вогнали в землю 62 самолета противника. Из последнего боя не вернулся заместитель командира первой эскадрильи капитан Алексей Гончаров.

За 13 июля 1943 года летчики 171-го истребительного авиационного полка сбили 21 истребитель противника, 10 бомбардировщиков, одну «раму». Свои потери – два самолета. Это единственный случай в истории авиации за время

Великой Отечественной войны, когда летчики одного полка сбили 32 самолета противника при своих минимальных потерях.

При взятии Орла в подвале одного из домов окраины города разведчики обнаружили обгоревшего летчика. Это был старший лейтенант Голик. Его, когда он вывалился из горящего самолета, спасла густая пелена дыма. Через три месяца старший лейтенант Голик был в строю и до конца войны носил бороду, которая скрывала шрамы.

Летчики 171-го истребительного авиационного полка в период Орловской наступательной операции с 6 июля по 5 августа 1943 года уничтожили 108 самолетов противника.

День Победы

Первое мая – День международной солидарности трудящихся. Митинг. Директор школы принимает от строителей новую двухэтажную деревянную школу. Учителя и ученики радуются: 1 сентября будут учиться в нормальных условиях.

22 июня 1941 года. Война. В июле из школы вытаскивали парты – заносили койки. Классы разбросали по селу – в непригодные помещения. Но мы учились! Осенью каждый класс закрепили за госпитальной палатой, кроме десятого – он выпускной. За нашим, пятым классом – палата № 7, где лежат безрукие и безногие. Мы приходили к ним по субботам, после уроков. Что-нибудь несли: кто пирожки с капустой, кто шанежки, кто бидончик молока. За дверьми слышны стоны, но когда мы входили – раненые крепились. Мальчишек посылали за горячей водой. Девчонки – Зоя Мякотцких, Тоня Старцева, Катя Варанкина, Лида Кашина, Лида Шавшукова, Валя Галкина, Августа Ракшина, Лида Гофман, Нина Беспалова – протирают окна, кровати, моют полы, поливают цветы – полный аврал. В палате восемь человек. Палата командирская. Каждая из девочек прикипает к какому-нибудь раненому. У кого погибли отцы – присаживаются у изголовья пожилых раненых. Безруким расчесывают волосы, пишут письма. Возле молодых командиров дежурят девочки, которые повзрослее нас.

Некоторые тяжелораненые умирают. За селом, у пруда вырастают холмики с деревянными столбиками, с красной звездой из жести на верхушке и поперечной дощечкой, где написаны краской фамилия, имя и дата смерти. Многих забирают жены, родственники. Среди безруких и безногих находятся раненые, которые добиваются у высшего начальства отправки на фронт. Няня жалуется, что нельзя одних оставить ни на минуту. Если ее долго нет – в палате начинается стук костылей и стульев. Раненые беспокоятся, а вдруг захочется по нужде, а подать посудину некому, тогда под себя – это стыдно.

Некоторые раненые лежат по году и более. А двое – обгоревший танкист без ступней и кистей рук и сапер с оторванными ногами и наполовину оторванными пальцами на руках – лежат третий год. Ходячие раненые из других палат выносят их на свежий воздух. Танкист учится ходить на костылях, а саперу смастерили коляску. Оба заикаются. Шутят над собой. Руководству госпиталя свои домашние адреса не говорят. Старшая сестра красавица Аня старательно ухаживает за русоголовым, курчавым танкистом с темно-синими глазами. Уговаривает переехать жить к ней, они с матерью вдвоем, мужа убило в первый месяц войны. Танкист не соглашается. Объясняет, что не хочет быть обузой, жалость ему не нужна. Приезжала делегация из соседнего колхоза за крутолобым, усатым сапером, приглашала в колхоз председателем. Сапер отнекивался, просил подождать. Он учился

обрубками пальцев писать, умело работал ножом, выстуригал всякие поделки из дощечек и поленьев.

Девчата наши подрастали и становились настоящими девушками, а мы, наивные, росли какими-то захудалыми, мелкими. Только Игорь Анисимов, наш баянист, выглядел повзрослее, у него начали пробиваться усы. Молодые офицеры стали ухаживать за девчатами, мы не ревновали, радовались, что в раненых пробуждается жизнь.

Обычно после уборки в палате начинался маленький импровизированный концерт. Чубатый безногий мичман вытаскивал из-под кровати аккордеон и, прижавшись к спинке кровати, начинал играть. К концу войны в каждой палате было по несколько немецких аккордеонов. Девчата приглашали друг друга на танец. Из нас танцевать умел только Толя Старцев. Темноволосая Валя Галкина приходила в белой кофточке и черной юбочке, с малиновым бантом в волосах, подсаживалась к аккордеонисту. Он любил ее безмерно, Валя это знала.

К праздникам – 7 ноября, 23 февраля и 1 Мая – мы готовили для раненых концерты. На этот раз к 23 февраля – Дню Красной Армии и Военно-Морского Флота – у нас была расширенная программа: и танцы, и декламация, и соло, и хор. После выступления хора мы неумело отплясывали «яблочко», путая коленца. Аккомпанировал, как всегда, Игорь Анисимов. В середине танца с первого ряда поднялся моряк на костылях, без ноги. Он ловко взобрался на сцену, крикнул

Игорю: «А ну, поддай огонька» – и пошел выделывать коленца, размахивая костылями, крутясь на одной ноге. Женский медперсонал плакал, каждая думала: «Отгулял моряк». Отплясывал он с остервенением, стараясь выплеснуть всю боль души через танец. Костыли полетели в сторону, он пробовал сделать какие-то па, хлопая руками по ноге. Не удержав равновесия, качнулся вперед и упал на свежeweымытый пол. Мы оцепенели. А он ловко отполз к краю сцены, уселся, свесив ногу, выдохнул: «Все». Подбежали сотрудники, подхватили под руки и усадили в кресло.

9 мая 1945 года. Председатель сельского Совета – маленький, горбатенький, всеобщий любимец, честнейший человек – бежит к школе, размахивает руками и глухо кричит: «Победа! Победа! Победа!». Учителя и ученики выбегают во двор. Обнимаются, плачут. Все сбежались на площадь к репродуктору. Слушают голос Левитана.

Мы, школяры, рады – по домам, ведь надо срочно сообщить великую весть в деревне. Из села домой вела тропинка по длинному-длинному лугу, мимо госпиталя. По луговине звонко журчал ручеек. Зеленая молодая трава с желтой россыпью одуванчиков и лютиков. Вспыхивали лазоревые пятна незабудок у ручья. В душе песней: «Победа, Победа, Победа...». Все, кто мог двигаться, выбрались на лужайку у оврага перед госпиталем. Многие с аккордеонами. Неходячие устроились в проемах раскрытых окон. И по оврагу лилась музыка аккордеонов. Этот звук догонял и перегонял

меня и остался в сердце на всю жизнь, как память о Дне Победы.

Картофелины

Осень 1947 года. Пермская область, село Григорьевское на реке Сюзьве. Госпиталь покидают последние тяжелораненые, некоторых переводят в госпиталь в Пермь, но большинство разъезжается по домам – подлечились. Госпиталь наполняется больными военнопленными – немцами, венграми – с диагнозом «туберкулез». Госпиталь – это наша двухэтажная школа, построенная перед самой войной. А мы учимся в старой, дореволюционной, у пруда. Нас в десятом классе девять человек. Двое сельских, остальные из близлежащих деревень, только я один из дальней. В ноябре все решили перебраться в общежитие. Причина одна – нет учебников, гуртом заниматься лучше.

Во дворе общежития конюшня, в стойлах три лошади. Они обслуживают госпиталь. Немцы на двух возят дрова из леса, а третья таскает огромную бочку для воды, установленную на санях. Воду возят из пруда. С немцами не общаемся – они фашисты. Отношение к немецкому языку в школе плёвое – зачем знать язык захватчиков. С уроков немецкого зачастую убегаем на остров ниже пруда.

Прошли февральские вьюги. Ребята из ближних деревень стали бегать домой. В общежитии я один. Холодно. Топлю печь в своей комнате. Дрова сырые – тепла мало. Вечером перед сном, когда перегорают дрова в печи, бросаю в золу

несколько картофелин. К утру они покрываются хрустящей корочкой. К рассвету общежитие выстывает так, что зуб на зуб не попадает. Хватаю книги, картофелины – и в школу. Там тепло, перед уроками можно заниматься.

Долговязый, стойкой шеей, бледным лицом и горбинкой на носу, пожилой немец запрягает лошадь. Он часто кашляет. Ночью шел снег, дорогу замело. Прошу: «Фриц, подвези до школы». Он отвечает: «Нихт фриц, их бин Пауль, гут». Дерзко рублю: «Фашист!». Немец побледнел еще больше: «Нихт наци, их социалист». Я вытаскиваю картофелину, разламываю, от картофелины идет аппетитный запах. Немец перестает запрягать, смотрит на меня серыми печальными глазами и сглатывает слюну. Я достаю еще пару картофелин, протягиваю Паулю. Стоит как замороженный, затем берет, руки трясутся, в глазах слезы, низко кланяется – благодарит. Не очищая, откусывает картофелину небольшими кусочками. Медленно разжевывает, долго держит во рту, глотает. Спыхватился: вытаскивает из кармана корочку хлеба и предлагает мне. Просит: «Возьмите, битте». Я отказываюсь, не беру. Пробуем говорить на смешанном русско-немецком языке. В школе грамматику учили дотошно, но запас слов невелик, разговорной практики – никакой. Учили наизусть стихотворения Гете и Гейне, тщетно пытаюсь что-то вспомнить. Спрашивает мое имя. Отвечаю: «Шура». Долго молчит, не понимая, что такое Шура». Объясняю: Александр. Александр Чебыкин из деревни Чебыки. Пауль восклицает.

«О, Александр, Александр». Пробует рассказать о себе. Понимаю, что дома трое «киндер» Показывает на мои брови – такой старший сын Ганс, по грудь – дочь Марта и по колени – младший Питер. Они похожи на меня – тоже беленькие, но глаза, как небо – голубые-голубые. Они там далеко, во Франкфурте-на-Майне.

Каждое утро я выскакиваю из холодного общежития, вручаю Паулю пару картофелин. Он улыбается. Пауль старается учить русские слова, а я зубрю немецкий язык. В разговоре начинаем понимать друг друга. Порой, путая русские и немецкие слова, беседуем взахлеб, перебивая друг друга. Все время хочется спросить, почему он съедает картофелины, не очищая от кожуры, но не могу правильно построить предложение. Постепенно узнаю, что по профессии он токарь, в 1944 году попал под тотальную мобилизацию, несмотря на слабые легкие – хронический бронхит.

Военнопленные свободно гуляют по селу, некоторые с удочками сидят на плотине, пробуют ловить рыбу. Вдовы-солдатки приходят к начальнику госпиталя, просят, чтобы немцы помогли в хозяйстве – то печь сложить, то крышу перекрыть. Отпускают. Среди немцев многие из сельской местности, работу делают добросовестно, с умом.

На Пасху Пауль дарит мне резную деревянную шкатулку, отшлифованную до блеска. На крышке ангел, а по бокам серп и молот. Меня это сочетание удивляет. Пауль объясняет: «Мы просим у Бога хлеба насущного, но для этого на-

до трудиться и в поле, и на заводе». На внутренней стороне крышки готическими буквами, но на русском языке: «Александр от Пауля Апрель 1948 г.»

В мае за двором общежития разрослись листья хрена. Я знал, что хрен очень полезен при легочных заболеваниях. А у меня открылся бронхит. Натер корни на терке, залил молоком, макал черный хлеб и ел. Хрен злой, но знаю, что полезен. Вечером Пауль во дворе школы чинил сбрую, чистил конюшню. Порядок у него был образцовый. Я посмотрел на Пауля, и меня осенило: так ему-то и нужно хрен есть, для его легких полезно. Предложил Паулю попробовать. После первой ложки у него перехватило дыхание, с кончика носа закапали капельки пота, расширились зрачки. Я перепугался. Когда Пауль смог спокойно дышать, я пояснил, что надо есть маленькими порциями. Хрен может вылечить легкие. Пауль улыбнулся и понимающе кивнул головой.

Так и промчался май. Я по утрам носил Паулю пару картофелин, а вечером блюдце кашицы хрена с черным хлебом. Наши душевные беседы на бревне не прекращались.

В конце мая – я только пришел из школы – Пауль вбежал в мою комнату, обхватил меня и закричал: «Александр! Вчера рентген – я здоров, спасибо тебе! Это ты вылечил меня. Я скоро домой – к фрау и киндер». Его обычно бледное лицо покрылось яркими красками. Как радость и счастье одинаковы у всех людей, подумал я.

25 мая 1948 года Пауль рано утром зашел ко мне. Поло-

жил на стол алюминиевую ложку с толстой ручкой: «Это, Александр, тебе на память, я ее сам точил на заводе. Сегодня отправляют эшелоном домой, в Германию». Я расстроился так, как будто лишался чего-то очень важного, близкого, родного. Пауль сказал: «Александр, я напишу, сейчас не имею моего адреса, дом американцы разбомбили».

Но письма я не получил. Сдавать выпускные экзамены нас отправили в Нытву. Затем военное училище.

Пауля, наверное, уже нет в живых, но надеюсь, что здравствуют его дети – мои ровесники, может, он рассказывал им о сверстнике с Урала.

Очаровательная Анна

1948 год. Июнь. Средняя школа за прудом. Вместо привычных испытаний в десятых классах введены выпускные экзамены. Создаются комиссии. Нас в классе девять человек. Отправляют на экзамены в районный центр Нытва. С нытвенскими нас набирается более сорока человек. Экзамены идут сутра до вечера. Утром пьем чай, заваренный лепестками шиповника, с черным хлебом, посыпанным крупной солью. В обед торопимся в заводскую столовую (есть договоренность). На первое суп из волнушек, в котором плавают дольки картофеля. На второе пшенная каша на воде, сверху лунка с чайной ложкой растительного масла. Запах масла радует душу. На третье – настойка шиповника с квадратиком сахара. Пьем вприкуску.

После еды усиленно занимаемся. Расходимся по классам. У каждого свой класс. Никто не мешает. Изредка заглядывает уборщица – тетя Марта. Немного поработает, потом долго стоит, опершись на швабру, опустив взгляд. Вечерами приходят убирать с дочкой лет восемнадцати. Обе аккуратненькие, всегда чистенькие, в передниках. Мне семнадцать, большеголовый, тонкошей, светло-русый, с завитками волос за ушами и на шее.

Вечером ужин: чай и по три картофелины на брата, сваренные в чугуне. Директор школы Федор Владимирович

Статиров где-то достал мешок картошки. После ужина полчаса отдыха. За день сидения немеют ноги, болит спина, голова становится тяжелой. Выбегаю во двор. Из закутка достаю городки, биты, начинаю играть один. Ставлю фигуру «дедушка в окошке». Натренировался разбивать с первой палки. Подходят нытвенские десятиклассники. Тетя Марта с дочерью стоят в стороне, наблюдают, как мы суедемся. Через пару дней я только поставил фигуру – подошла дочурка тети Марты. Спросила: «Можно я с вами поиграю?». Отвечаю: «Буду рад с вами партию сыграть». Зардевшись, она протянула мне руку: «Анна». Я застеснялся, несмело взял ее руку, ответил: «Шура». Она заулыбалась: «Интересное имя. А как оно пишется в паспорте?» – «Александр». – «Хорошо, значит, Саша». Это было для меня ново: дома и в школе – Шура да Шура. Аня попросила: «Подожди играть, переоденусь». Минут через пятнадцать вышла в коротких штанах, как я потом узнал, назывались они «шорты», в голубенькой майке, которая обтягивала налитые груди. Я увидел не уборщицу, а очаровательную девчушку, чьи голубые глаза с крапинками, как весенние незабудки, смотрели на меня нежно и приветливо. Две косички, перевязанные голубыми ленточками, пшеничными метелками топорщились в стороны. По щекам маленькими искорками разбросаны веснушки. Анна была обворожительна. Я смотрел на нее очумело и молчал. Анна спросила: «Саша, я тебе нравлюсь?» – «Угу». – «Ну что значит это «угу», молчаливый дубочек? Можно я буду

звать тебя Сашенька?» – «Угу».

Разыгрались, У Анны получалось неплохо. Когда удачно разбивала фигуру, от радости высоко подпрыгивала, хлопала в ладоши, кричала: «Попала, попала!». Наигравшись, мы садились на лавочку. Она рассказывала смешинки, крутила головой, косички, от которых шел запах цветущей черемухи, щекотали мои плечи. Глаза у Анны в такие минуты лучились, обладали какой-то притягательной силой. Анна рассказывала: они немцы с Поволжья, выселенные сюда, там у них остался большой дом, сад. Отец коммунист, был директором совхоза. Дед в гражданскую был комиссаром продотряда, мама завбиблиотекой. В первые же дни войны отец ушел добровольцем. В декабре 1941-го погиб под Москвой. Глаза у Анны повлажнели. Она прошептала: «Каждый вечер мы с мамой плачем, не пойму, почему нас выселили. Я была активной пионеркой. Окончила семь классов, в связи с переездом сюда пришлось идти в ремесленное училище. Более полугода работаю на заводе токарем, план выполняю, а вечерами помогаю маме, хотя она и не старенькая, но ей тяжело. Она очень тоскует по папе».

Я прикипел к Анне, если вечером ее не было (она работала во вторую смену), то я тосковал, игра не ладилась. Ребята смеялись: «Ну что, Сашок раскис – Анны нет!». На игру Анна появлялась со своей битой – березовой палкой, с одного конца обитой алюминием, – заводские ребята сделали. Наловчилась, играла мастерски, «письмо» распечатывала с

первой биты.

Неожиданно меня вызвала завуч школы Белла Яковлевна, предупредила: «Чебыкин, должна поставить тебя в известность, что Анна и ее мать переселенные, будь осторожен, не кончились бы твои встречи объяснением в особом отделе». После этой беседы я взволнованно думал: «Какая ерундистика, каким врагом народа может быть Аня, эта девчушка, которая работает на заводе, а ее мать моет полы в школе. Аня такая нежная, веселая, доброжелательная – и враг. Чушь какая-то, кто это только выдумал?!». Я стал относиться к девушке еще нежнее, заботливее, как-то незаметно для себя начал жалеть ее за исковерканную судьбу. В ушах все время звучал ее голос: «Сашенька, здравствуй! Сашенька, до свидания». Хотя Анна с мамой жили при школе, но мы расстались на лавочке. Аня обычно чмокала меня в мочку уха и убегала. Как-то раз перед вечером прошла гроза, я вышел из класса в коридор, раскрыл окно и наблюдал, как к горизонту уходили черные тучи, в которых то и дело вспыхивали молнии. Это было грандиозное зрелище. Кто-то сзади накрыл мои глаза ладонями. Спрашиваю: «Катя? Лида?». Смех: «А почему не Аня?». Два тугих мячика прижались к лопаткам.

Губы Ани у моей шеи. В затылке застучали молоточки. В глазах поволока, молнии сливаются в одну алую полосу. Я хватаю Анины руки на моей голове, она вырывается и убегает. После экзаменов нас отпустили на три дня домой. Готовились к выпускному вечеру. Мама пошила белую, в голубую

полоску рубашку, отутюжила костюм брата, который погиб в сентябре 1941 года. Прибыл я на выпускной вполне цивильным парнем. Аня увидела, подбежала, радостно воскликнула: «Сашенька, какой ты красивый и нарядный!». Я предложил: «Аня, приглашаю тебя на выпускной, я хочу быть с тобой рядом, будешь мне сестрой на вечере». Анна прижалась ко мне лбом и заплакала: «Не разрешит мне директриса... Ты потом напиши мне, куда поступишь, как будут твои дела».

Пришли нытвенские ребята, с которыми я сдавал экзамены, потащили в столовую, где их мамы накрывали столы. Угостили большой кружкой пива. На банкете с первым toastом выпил еще кружку, и все это на пустой желудок. Мне стало плохо. Выбрался во двор школы к колодцу. Черпал воду и пил, и пил, и тут же все выбрасывало обратно. Внутри горело, как будто туда насыпали ковш горячих углей. Откуда-то появилась Аня: «Сашенька, что с тобой?». На улице темнело. На Каме в июне заря с зарею сходится. Аня побежала в поселок. Принесла бидончик молока. Вскипятила. На ступеньках крыльца отпаивала горячим молоком. Когда стало чуть лучше, она завела к себе в комнату. Шептала: «Никуда я тебя больше не отпущу». Стала раздевать. Сил сопротивляться у меня не было. Когда сняла пиджак, рубашку, брюки, мне стало стыдно: на мне были льняные подштанники с завязками. Я сник. Уложила в кровать. И я ухнул в мягкую перину. Анна стояла передо мной и медленно, мед-

ленно раздевалась. Я как в тумане видел перед собой божественную фею-ангела с рождественской открытки. Разделась, шмыгнула под одеяло и стала целовать грудь, плечи. Я сжался. Подштанники сковывали меня, и откуда-то всплывали слова завуча Беллы Яковлевны. Я провалился в дремоту...

Рано утром Аня, прижавшись к моей спине, целовала мочку уха, тормошила: «Сашенька, вставай! Ребята ищут тебя, через час поезд». Соскочил, но тут же свалился на кушетку. Земля кружилась. Аня принесла ведро холодной воды. Мокрым полотенцем обтерла мне грудь, лицо. Налила в стакан нашатырных капель. Дала попить. Еле пришел в себя. Зашел в класс, уложил в чемодан книги, вещи и в сопровождении Ани отправился на вокзал.

Поезд набирал скорость. Через окно я видел Аню с прижатыми к вискам ладонями. Прошлая жизнь отодвинулась куда-то далеко – надо было думать, что делать дальше, как жить.

Поступил в военное училище в городе Пермь. Писал Ане, но ответа не было. Со мной учились нытвенские. После Нового года узнал, что Ане и ее матери пришли отцовские награды и что разрешили вернуться в свой дом на Волгу.

Учился я на «отлично» по всем предметам, кроме физподготовки. Был неуклюж. Частенько получал двойки, поэтому в увольнение попадал редко, но спасало то, что над училищем шефствовал оперный театр. В субботу и воскресенье –

культпоходы за символическую цену. Вечерами после театра передо мной стояли незабудковые глаза Ани, а в ушах звенел ее голосок: «Сашенька».

И с кем бы я потом ни знакомился – сравнивал с Аней: нежной, стройной, белокурой, синеглазой. Женился поздно – все искал похожую на Анну.

Об авторе

Чебыкин Александр Федорович, родился 5 сентября 1930 года в деревне Чебыки Пермской области.

С 1992 года по настоящее время секретарь совета ветеранов Кубанского государственного университета.

Автор книг: «Русь моя неоглядная», «Стефан Пермский», «Наследники казачьей славы», «Победители», «Поломка».

В оформлении обложки использованы фотографии из личного архива автора по лицензии ССО.